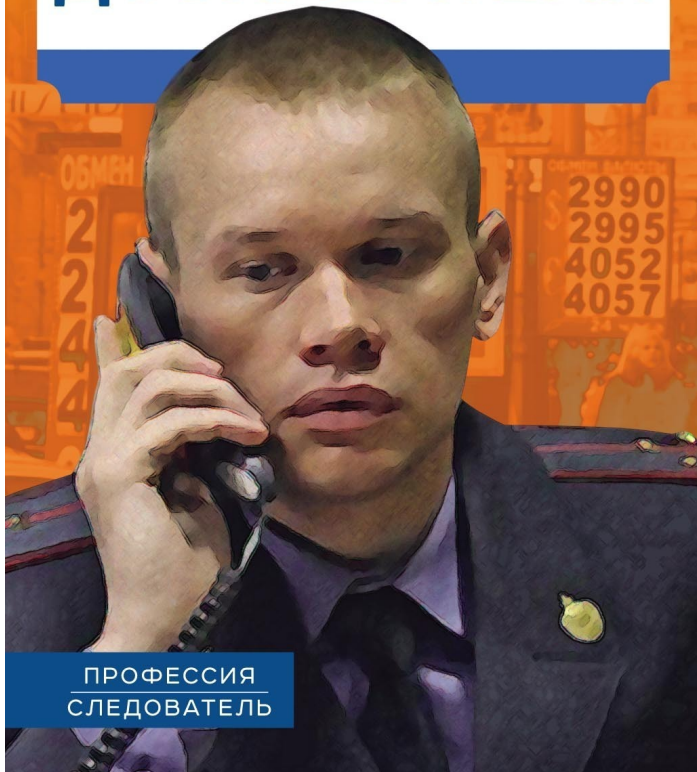

ВИКТОР
НАГОВИЦЫН

ШЕСТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ
ДОЗНАВАТЕЛЯ

ПРОФЕССИЯ
СЛЕДОВАТЕЛЬ

Виктор Наговицын
Шесть дней из
жизни дознавателя
Серия «Профессия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289122

*Шесть дней из жизни дознавателя / В. Наговицын: ООО
«Издательство Родина»; Москва; 2023*

ISBN 978-5-00222-210-0

Аннотация

Если работа следователя воспета в многочисленных детективах, то профессия дознавателя обделена вниманием писателей и сценаристов. Однако она есть и скрывается за стопками уголовных дел попроще. Среди которых встречаются случаи, требующие от дознавателя смекалки, сурового опыта и рентгеновской проницательности.

В этой истории, вы вместе со старшим лейтенантом милиции Габороновым, погрузитесь в расследования уголовных дел 2010 года. Этот период выбран не случайно. Впереди будет знаменитая реформа МВД, когда милиция стала полицией. И сейчас, вспомнив как было, можно будет сравнить, что из этого получилось, что поменялось, к чему это привело.

Вы увидите настоящие материалы: протокол осмотра места происшествия, допросы, явку с повинной... Посмотрите, сколько времени, сил и средств нужно для разбирательства последствий одного лишь взмаха ноги, причинения телесных повреждений, краж и других, касающихся простых людей преступлений...

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1. Осмотр места происшествия	9
Глава 2. Распускать свои ноги – не мешки ворочать	38
Глава 3. От перестановки адвокатов меняется лишь сумма. От перестановки бедных с богатыми – всё посыпется	65
Глава 4. Возбуждайся быстрее!	96
Глава 5. Как я люблю эту работу!	126
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Виктор Наговицын

Шесть дней из

ЖИЗНИ ДОЗНАВАТЕЛЯ

© Наговицын В., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

*Страшны те люди, которые по своей
бестолковости или ради удовольствия нарушают
уголовные законы.*

*Но ещё опаснее те, которые готовы
принципиально сделать всё, чтобы преступники
понесли наказание.*

Вместо предисловия

Кто не мечтал быть следователем? Да многие, в глубине души, представляли себя на месте сотрудника, раскрывающего преступления! А вот быть дознавателем точно никто не грезил. Но это лишь потому, что данная милицейская должность оказалась не на слуху. Однако она есть и скрывается за стопками уголовных дел попроще. Среди которых встречаются случаи, требующие от дознавателя смекалки, сурового опыта и рентгеновской проницательности. При этом нужно куда-то деть нестыковки в преступлениях и спрятать их подалеже с совестью. Вот тогда дознавателю открываются потаённые закоулки в тёмных душах, в которых лежат ответы на вечно задаваемые вопросы о человеческом бытии...

В этой истории, вы вместе со старшим лейтенантом милиции Габороновым, погрузитесь в расследования уголовных дел две тысячи десятого года. Этот период выбран не случайно. Впереди будет знаменитая реформа МВД. И сейчас, вспомнив как было, можно будет сравнить, что из этого получилось, что поменялось, к чему это привело.

Вы увидите настоящие материалы: протокол осмотра места происшествия, допросы, явку с повинной... Посмотрите, сколько времени, сил и средств нужно для разбирательства последствий одного лишь взмаха ноги, причинения телесных повреждений, краж и других, касающихся простых лю-

дей преступлений. Разберёте три стороны одного происшествия: чувства потерпевшего, доводы подозреваемого, внутренние убеждения дознавателя. Узнаете мотивацию некоторых сотрудников милиции, почему они работают в некомфортных условиях, чтобы выполнить свой долг.

Совмещать приятное с полезным – цель любого грамотного человека. А читающие люди – это всегда думающие представители человечества. Поэтому, после этой книги, вы будете разбираться в квалификациях преступлений не хуже сотрудников милиции. И при случае сможете поддержать профессиональный разговор. Это не сборник юридических терминов, не лекция о расследовании уголовных дел. Это в подробностях показанный отрезок жизни сотрудника дознания, который не смотря на все трудности, кропотливо занимается своим делом и, главное, доводит его до конца. Вы увидите не только служебную сторону сотрудника милиции, но и влияние коллег на рабочие вопросы, влияние личной жизни на сотрудника милиции и противостояние интересов.

Эта история будет интересна тем, кто мечтал пойти работать в органы. Тем, кто уже там отработал. Тем, кто провёл всю свою жизнь около сотрудника и думал, что знал, чем он занимался. И, конечно, всем тем, кому близка тема милиции, полиции и кто хочет узнать, каково это – расследовать уголовные дела.

Первое произведение автора – «Милицейские истории». Это автобиографическая проза, показывающая в первую

очередь человека в системе на протяжении восьми лет. Влияние на него милиции и профессиональную деформацию его личности. Отзывы читателей показали, что книга понравилась своей откровенностью и в тоже время пугающей действительностью.

В этом же произведении, показан более короткий срок службы дознавателя. Но подробно раскрывающий влияние милиционера на систему, на уголовные дела, на людские судьбы. Принимая во внимание свою личную жизнь и характер.

Те, кто сейчас находятся на страже правопорядка, смогут лишь через время проанализировать, что с ними происходит в настоящее время. Автор уже это сделал. Поскольку с того момента, как он перестал быть милиционером, прошло более десяти лет. За это время отсеялось всё ненужное, а самое крепкое до сих пор сидит в памяти. Чем автор и делится с вами...

Глава 1. Осмотр места происшествия

Август, 2010 год.

Звонок дежурного ОВД по Кирпиченскому району:

– Серёга, иди в паспортный стол, там осмотр нужно будет сделать, – дежурный отправлял коллегу для составления протокола осмотра места происшествия.

– Куда? – не сразу спросонья понял дознаватель, старший лейтенант милиции Сергей Габоронов.

– В паспортный, там ОВОшники, они расскажут подробности, – пояснил взволнованно, что на него не было похоже, капитан милиции Шкомаров. Между собой стражи правопорядка называли предпенсионного коллегу – Кошмариком. А ОВОшники – это подразделение вневедомственной охраны МВД России, обеспечивающее безопасность особо важных и режимных объектов.

– Подожди, скажи в двух словах, что случилось? Вообще-то у меня суточная смена через полчаса заканчивается. Я сейчас с этим вашим происшествием на сколько ещё застряну? Давай дождёмся новую смену? Как раз у них развод в семь тридцать начался.

– Серёга, там ещё и начальник КМ. Не по телефону. Тебе пройти двести метров от твоего кабинета. Давай, всё, уда-

чи! – Кошмарик обозначил, что на месте происшествия находится глава всей криминальной милиции, основной задачей которой является предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Чем отличается дознаватель от следователя? Оба возбуждают уголовные дела при совершении преступлений. Но при этом, когда происходит ерунда какая-нибудь, условно курицу украли – именно дознаватель будет выносить постановление о возбуждении уголовного дела. Но тут нужно уложиться в сумму ущерба, курочка должна стоить не менее двух с половиной тысяч и не дороже пяти тысяч рублей. Если на дело пойдёт группа лиц, да с проникновением в чужую собственность, и умыкнёт ровно того же представителя птичьего мира, то следователь приступит к выяснению всех обстоятельств.

Правда, простому потерпевшему до этого нет никакого дела, кто там будет заниматься его горем. А вот на дежурных сутках, при сообщении о преступлении, для милиционеров каждое слово имеет значение. Никто не хочет работать за другого. Поэтому, когда дежурный по ОВД отвечая на звонок по «02» слышит встревоженный голос: «Алло, милиция?!», начинает по крупицам вытягивать детали происшествия от гражданина. Который зачастую из себя выдавливает только: «Тут... украли... приезжайте быстрее... сюда...».

Задача милицейского начальства сгладить криминальную обстановку в городе. Не раскрытием преступлений, так ста-

тистическим смягчением ситуации перед областной столицей.

Если утром в сводке будет указано: «Совершено проникновение на особо охраняемый объект – паспортный стол, путём повреждения бетонного пола из подвального помещения», то областной дежурный может обратить внимание на тихий, средний городок Кирпиченск, с населением около шестидесяти тысяч человек. Начнёт требовать срочного доклада, объёма произведённых действий. Обязательно запустится параллельное, не соответствующее действительности описание предпринимаемых мер:

- ориентирован весь личный состав отдела;
- опрошены все жители близлежащих многоквартирных домов;
- найдены и пересмотрены все записи с видеокамер, установленных на близлежащих улицах;
- проведены беседы со всеми лицами состоящими на профилактическом учёте и представляющими оперативный интерес;
- ориентирован подсобный аппарат¹;
- опрошены все дворники указанных участков;
- проверены все магазины строительных инструментов;
- отработаны работники близлежащихстроек и т. д. и т. п., пока опустошённая фантазия составляющего доклад не разлучит его с фантастическим текстом.

¹ Люди, добровольно помогающие органам, осведомители

А начальник ОВД до позднего вечера будет объясняться по телефону перед одним из заместителей начальника всего ГУВД области, как же он такое допустил на вверенной ему территории. Словно он сам продолбил эту дыру в помещении Отдела Федеральной миграционной службы, которая в указанный период времени вдобавок входила в состав МВД.

На деле, семь часов тридцать пять минут. Чтоб ориентировать весь личный состав среднего ОВД, в котором около четырёхсот сотрудников, нужно полдня как минимум. Если дежурный этим займётся, то остальные сообщения о преступлениях и происшествиях, случающиеся в городе через каждые полчаса, а то и чаще – застопорятся. Возникнет коллапс из обратившихся в милицию за срочной и не очень помощью.

Все жители близлежащих домов с утра не рассчитывали уделять внимание сотрудникам милиции: расскажи, что кого-то видел, слышал, так потом ходи, показания давай. Кому оно надо? Гражданам принимать участие в наведении правопорядка в обществе? Нет, позвольте, «я налоги плачу на их зарплату, вот пускай они, менты, сами всем этим занимаются. Мне улицы без преступности давайте. У каждого своя работа». Кстати, гражданам, невдомёк, что сотрудники милиции также платят пресловутые тринадцать процентов с зарплаты в казну государства. Кроме того, кто выкрикивает такие слоганы о «содержании им» всей милиции, как правило, работают, но не официально. Тем самым не пополняя упо-

мянутую государственную кубышку, из которой платят правоохранителям.

Видеокамеры если и есть на интересующих улицах, то, чтобы позаимствовать видеозапись, нужно обладать везением.

Во-первых, необходимо разрешение, скажем частного предпринимателя, в магазине которого установлено видеонаблюдение. Это если он ещё пойдёт на контакт без запроса. А так нужно будет его написать. Потом заручиться подписью начальства, когда оно не будет занято бесконечными совещаниями. Затем зарегистрировать в канцелярии. И только потом предъявить работнику торговли.

Во-вторых, при получении согласия владельца интересующей видеозаписи, нужно найти специалиста, обслуживающего все эти новшества с видеорегистраторами. Он то и прокрутит видеозапись. И при необходимости, если там найдётся что-то интересное, сможет сбросить её на съёмный носитель. В указанной аппаратуре не просто подсоединил флешку, скопировал, вставил. Там надо быть ещё тем хакером.

Отработка лиц ранее судимых? Сколько нужно времени, сил и сотрудников, чтоб найти их во всех забудыжных местах, разбудить, растрясти и спросить: «Не ты ли, сволочь, снова за старое взялся?»

А дворники, которые могли видеть «что-то необычное» доматают улицы и расходятся по своим домам.

Так же с магазинами стройматериалов и со стройками.

На все эти действия раз в сутки выделяются специально обученные люди. Это один оперуполномоченный уголовно-го розыска. Когда преступление совершено без лица, то есть отсутствует явный подозреваемый. Один участковый уполномоченный. Когда имеется правонарушающая рожа. Один следователь или дознаватель, чьи полномочия уже известны. И специалист-эксперт при необходимости. В зависимости от преступления на дежурных сутках, из числа указанных сотрудников, формируется Следственно-оперативная группа – СОГ.

По приезде группы на месте оформляется материал: составляется протокол осмотра места происшествия, опрашиваются возможные свидетели, пишутся рапорта сотрудников милиции и сдаётся всё это в дежурную часть. В данном случае Кошмарику. Он уже докладывает непосредственному начальству и в областную столицу о проделанной работе. По окончании дежурных суток, материал отписывается руководством исполнителю: оперу или участковому.

Все вышеуказанные прелести по суточным дежурствам происходят помимо основной работы. Даже так: есть основная, каждодневная работа с определённым объемом, а промежду прочим, у вышеперечисленных сотрудников, есть, так сказать, оброк: отдежурить сутки в СОГ около трёх-четырёх раз в месяц – в идеале. Которого на этой работе быть не может. Всё время кто-то в отпуске, кто-то на больничном. Но самое главное, как правило препятствует всему этому неком-

плект штатной численности сотрудников.

Получив отписанный начальством материал, сотрудник милиции обязан провести первоначальную проверку по нему. Сделать всё нужно в течение трёх суток. А именно: истребовать судебно-медицинское освидетельствование при причинении вреда здоровью или установить сумму ущерба похищенного или повреждённого имущества. Впрочем, на указанные запросы не всегда вовремя удаётся оперативно получить ответ. Кроме того, необходимо всё-таки воплотить написанное оперативным дежурным в жизнь: обойти всё и вся, поспрашивать, поглядеть. Поэтому по истечении трёх суток необходимо пойти к руководству и походатайствовать о продлении срока проверки о преступлении до десяти суток. А иногда и до тридцати.

Например, телесные повреждения. Необходимо установить степень тяжести вреда здоровью. Тут всё зависит от диагноза (переломы, ушибы), длительности лечения и т. п. Судмедэксперт выдаёт заключение, отвечая на поставленные вопросы милиционерами о характере и способе получения телесных повреждений. Например, человек мог упасть, удариться головой самостоятельно. Другой гражданин увидев бессознательного, подойти и похлопать его по щекам, чтоб привести в чувство. По характеру повреждений головы эксперт даст заключение, что интересующие нас увечья были получены при падении с высоты собственного роста, а не в результате пощёчин отзывчивого человека.

Или вот. Для принятия решения по материалу о краже, допустим, сотового телефона, необходимо истребовать справку о сумме ущерба. Устно договариваешься в каком-нибудь магазине, торгующем аналогичными вещами, либо приходишь с запросом: «Михалыч, пожалуйста, дай мне справочку, сколько с учётом износа в два года будет стоить телефон Nokia? Три тысячи? Спасибо!»

Вот уже появляется основание для возбуждения уголовного дела. Можно материал передавать в орган дознания, сумма ущерба подходящая. Если телефон стоил бы десять тысяч рублей, то материал первоначальной проверки уйдёт на возбуждение следователю. Ну, а если телефон будет стоить пятьсот рублей с учётом износа, сколов, царапин, трещин, залипающей кнопки вызова, то на основании статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса должностное лицо, проводившее проверку, вынесет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления.

При передаче вышеуказанного материала в дознание, возбуждается уголовное дело. Срок расследования по которому – тридцать суток. Среднее количество рабочих дней в месяц – двадцать один. Отнимаем четыре суточных дежурства, остаётся семнадцать. Отнимаем отсыпные дни после суточных дежурств. Остаётся тринадцать дней для расследования уголовного дела. Если в месяц таких нужно сдать около пяти, то по два с половиной дня на одно уголовное дело! Закон

даёт тридцать дней, а фактически – в двенадцать раз меньше. Плюс вновь возбужденные на следующий месяц. Добавляем «висяки» и... Всё бы ничего, если бы речь шла лишь о бумажной волоките и бюрократической работе, которая зависит лишь от усидчивости дознавателя.

Расследование уголовного дела – это проведение комплекса мероприятий, процессуальных действий, таких, как: возбуждение уголовного дела, признание потерпевшим, допрос потерпевшего, допрос свидетелей, признание подозреваемым, допрос подозреваемого, осмотр, признание и приобщение вещественных доказательств, проведение очных ставок (когда показания лиц об одном и том же событии разнятся), запросы, истребование и приобщение к материалам уголовного дела характеризующего материала (характеристики, справки с психоневрологического и наркологического диспансеров) и т. д. и т. п. Каждый вышеперечисленный документ появляется от взаимоотношений с людьми. Многое зависит от явки потерпевшей стороны, свидетелей, подозреваемого, адвокатов, ответов из других учреждений и иных обстоятельств.

Поэтому два с половиной дня это в идеале, когда по первому требованию явились и заявители, и злоумышленники с адвокатами, и свидетели и вовремя «притопал» характеризующий материал. А если где-то сбой в этой цепочке? Безответственность, например, жулика (так сотрудники милиции называют преступников). Они ж, как правило, не очень со-

знательные граждане, чтобы являться в органы как положено, своевременно. Были бы они людьми дисциплинированными, может и преступлений не совершали бы. Поскольку работали бы себе и дурные мысли в голову им не закрадывались.

А потерпевшие, как правило, как раз те самые рабочие люди, которые всегда заняты. Потому и получается: возможности являться в рабочее время – нет. Надо перед начальством оправдываться, что оказался в идиотской ситуации с преступлением. Да и вообще, когда возвращают похищенное, у них желание и интерес к делу пропадает. Заявитель практически всегда считает, что его дело заканчивается на стадии: позвонил в милицию – написал заявление. И всё, как в крылатой фразе Глеба Жеглова из советского кинофильма «Место встречи изменить нельзя» – «вор должен сидеть в тюрьме».

Так же в этой цепочке есть люди, которые отвечают на запросы по поводу характеризующего материала подозреваемого. Их тоже можно понять, для них такие ответы – дополнительная нагрузка, помимо основной работы. Отсюда не всегда отвечают вовремя. А сроки, то есть дни, неумолимо проходят. Прокурорский надзор за этими самыми сутками осуществляется на совесть, как «патруль времени» – не забалуешь.

В вопросе о критике работы внутренних органов, возможно, где-то тут собаки и прикопаны. Только этих самых собак

всегда спускают именно на милиционеров.

Один из таких сотрудников – Сергей Габоронов. Который уже практически отработал свою суточную повинность, успев поспать на дежурных сутках целый час. Однако после звонка Кошмарика он понял, что легко смениться ему не позволят. В свои только что исполнившиеся двадцать семь лет в органах он уже отработал почти четыре года. Находился в звании старшего лейтенанта милиции. Уже понимал работу. По крайней мере, в политику партии о статистических данных, которые волновали начальство, он уже вникнул. Раз дежурный сказал, что там всего лишь осмотр надо сделать, при этом начальник КМ уже на месте – всё не так просто. Скорее всего, происшествию хотят придать незначительность, поскольку такая упомянутая выше милицейская величина как руководитель криминальной милиции на всякую ерунду не выезжает.

Вот, например, взломана дверь в квартиру. Как это понимать? А скорее всего проникновение в жилище и кражу. Следователь – разбирайся. Но всегда можно сказать, что дверь повреждена, сама она как объект посягательства. Например, сосед пьяный подошёл и начал ломать замок с ручкой, из-за неприязненных отношений к жильцу. Это уже не взлом, а умышленное повреждение чужого имущества. Дознаватель будет оформлять. Всё зависит от того, что скажет тот, кто это сделал. Или от того, кто его к такому ответу подведёт.

После разговора с дежурным Шкомаровым дознаватель Габоронов встал со сложенных в ряд стульев. Нехитро самооборудованный «диван», который очень помогал ненадолго сомкнуть глаза милиционеров в момент некоего затишья преступности в их городе, был разобран. Каждый стул прикнул к своему дознавательскому столу, коих в маленьком кабинете было аж четыре, по одному на каждого коллегу. Двухэтажное здание, в котором помещались стражи правопорядка, в советские времена принадлежало гостинице с одноимённым названием города. Это подарило милиционерам выход из кабинетов на балконы. Хоть Минздрав и предупреждал о вреде курения, они всё равно ходили туда покурить.

Габоронов сделал глубокую первую затяжку, рассуждая о том, что пять минут ничего не изменят. Да и вообще, внутренний протест о лютой несправедливости в отношении человека, отработавшего целые сутки, набирал обороты. Уже даже промелькнули безрассудные мысли о неподчинении: дотянуть время до восьми часов утра, чтоб уж Трудовой кодекс РФ встал на защиту сотрудника милиции. Но Габоронов ухмыльнулся сам себе, потому что больших нарушений трудовой дисциплины, чем в милиции, при чём не в выгодную сторону для работника, он пока не встречал.

Мысли о бунте, на который бы он никогда не решился, оборвались полифонической мелодией кнопочного телефона сотовой связи «Nokia».

– Габоронов, ты где? – спокойно и уверенно поинтере-

совался начальник КМ подполковник милиции Александр Викторович Ерёмов.

– Вышел из отдела, Александр Викторович, – соврал старший лейтенант, который не решился отстоять свои трудовые права на практике. Благо находился на балконе, шум улицы в телефоне слышал и начальник КМ.

– Быстрее ходи, пожалуйста, мы тебя ждём, – поторопило высшее начальство Габоронова.

– Есть, понял, выполняю! – Сергей любил отвечать на команды руководства этой фразой.

Хоть лето было жаркое, но по ночам и утрам было прохладно. Дознаватель был в форменной рубашке голубого цвета с коротким рукавом. Такие только у милиционеров и железнодорожных машинистов. Габоронов надел галстук, застегнув металлическую застёжку сзади. Сергей категорически не признавал ношение галстука с рубашкой с коротким рукавом. Он всегда считал это нарушением формы одежды и, на худой конец, этикета. После получения высшего образования он отслужил год в вооружённых силах РФ и имел представление о том, как нужно носить форму. Поэтому такое нарушение он прикрыл милицейским кителем, замкнув молнию. Отряхнул испачкавшиеся форменные брюки серого цвета. Где он только не был за прошедшие сутки. Начистил кремом туфли. Милицейская фуражка прикрыла короткую мужскую стрижку Габоронова. Раскрыв папку, убедился, что бланки осмотра места происшествия ещё есть.

Захлопнув, прижал её под левой подмышкой. Рукой машинально потрогал кобуру, расположенную с правой стороны на ремне. Служебное оружие, которое выдают исключительно на дежурные сутки, было на месте. Закрыл кабинет и отправился на место происшествия.

По дороге «почистил» зубы жевательной резинкой. Умыться было некогда, да и негде. Единственный доступный туалет был на улице, во дворе отдела. Система в нём была без унитазная, с дыркой в полу. При нахождении в данном санузле, зловонным запахом пропитывалась вся форменная одежда. Поэтому при выборе способа соблюдения личной гигиены, лучшим выходом было аккуратно зайти, набрать в полторашку воды и быстро выйти. По-спартански пополоскать лицо во дворе данного учреждения. Хотя бы так. Более-менее приличные туалеты, конечно, имелись и в самой «гостинице», но они были распределены по «нормальным» отделам и не имели общего доступа.

Двести метров, под курлыканье городских голубей дознаватель преодолел легко. Около главного входа в паспортный стол стояло не более двадцати человек, нуждающихся так или иначе, в делах регистрационных. Занявшие очередь, пожалуй, с раннего утра, удивлённо поглядывали, как постепенно к месту их ожидания стекались милиционеры. Два сотрудника вневедомственной охраны в милицейской форме с сержантскими погонами поздоровались за руку с дознавателем.

Кроме них стоял вышеупомянутый подполковник Ерёмов А.В. в гражданском костюмчике. Телосложение и рост у него были ниже среднего. Но, как про таких говорят, жилистый. Внешность не примечательная. Грамотный человек. Опытный сотрудник. Начальник всех оперуполномоченных в городе. Второе лицо всего ОВД по Кирпиченскому району.

Около него стоял оперуполномоченный в милицейской форме – Паша Шикунов. На суточных дежурствах сотрудникам уголовного розыска приходилось носить форму. Он был под два метра ростом, что называется широкая кость. Но в силу того, что постоянно приходилось бегать по работе, редко питаться, то массе тела ещё было куда расти.

– Ну, наконец-то! – начальник КМ при виде Габоронова дал понять, что дознаватель должен был прийти быстрее.

– Хорошо, когда кому-то нужен и тебя ждут!

– Давай быстрее, нужен он...

– Александр Викторович, у меня смена заканчивается, я ж до конца не уложусь, а у меня ещё дел куча... – начал аккуратно пытаться намекать о своём положении старлей.

– Тем быстрее будешь всё делать. Значит так, нужно осмотр написать. Там в паспортном, ночью дырку в полу продолбили, но ничего не тронуто, – приблизившийся к Габоронову, подполковник милиции давал указание практически на ухо, чтоб гражданские не слышали.

– Александр Викторович, откуда эту дырку сделали? Есть лица? – также тихо произнёс дознаватель.

– С подвала её сделали. Лиц нет.

– Так это ж проникновение в помещение, следака подведомственность, я простой дознавательшка, – пытался отвертеться от совершения нарушения процессуальных норм родного законодательства старший лейтенант милиции, – Это при том, что оттуда стащить что-то хотели, а то и вовсе подследственность Следственного комитета...

– Сергей, – перебил начальник КМ дознавателя, – Нам шум ни к чему. Иди, напиши осмотр и всё, сдавай смену. Сам себя задерживаешь. По факту там пока только полповредили, на сто шестьдесят седьмую похоже, – проводил внутрь здания такими словами Габоронова начальник КМ.

– Я и не думал, что получится отвертеться, – начал Сергей Габоронов, – Но я обязан был попробовать! Лучше попробовать и пожалеть, чем...

– Сейчас ты у меня пожалеешь, что попробовал! – закончил фразу не в оригинале Александр Викторович.

– Уже начинаю, – улыбнулся Габоронов, оглядывая помещение паспортного стола, по середине которого на самом деле в бетонном полу была дырка! Рядом стоял начальник Отдела Миграционной службы в красивой, сшитой на заказ форме, отлитыми из золота майорскими звёздами на погонах, разговаривая с кем-то по телефону и не обращая внимания на дознавателя.

Габоронов невольно и незаметно для окружающих окинул взглядом свои брюки, полушерстяные (ПШ) выданные

родиной и которые вечно мялись. Вспомнил о своей недосягаемой цели – заказать в ателье форменные брюки и китель из нормального материала, которые один раз погладил и стрелки на брюках держатся долго. К тому же в сшитой на заказ форме не жарко. Но выделить три тысячи пятьсот рублей на данное предприятие старший лейтенант пока не решился, поскольку заработная плата категорически этого не позволяла. На очереди из покупок для работы стояло современное многофункциональное устройство (МФУ): принтер, сканер, ксерокс в одном лице. Новый широкий монитор уже был куплен. Зрение дознавателя было спасено. Поскольку родина выдала только старый монитор с электронно-лучевой трубкой, как кинескопные телевизоры. От постоянной работы с которым появлялась боль в глазах.

От своих брюк взгляд Габоронова перешёл к краю отверстия в полу, около которого он стоял. Наклонившись, дознаватель, заглянул в эту бездну и произнёс в темноту:

– У-ху! – Сергей попытался сымитировать издаваемый звук совой, которая, выпучив глаза, заявляет таким образом своё право на территорию.

– Вот понятия с улицы, – подвёл двух гражданских лиц оперуполномоченный Шикун.

– Хорошо, – обрадовался дознаватель живым² понятием.

² Настоящие, не фиктивные. В милиции могли использовать вымышленные данные людей, расписываться за них «левой» рукой, таким образом выходить из положения, когда гражданские лица отказываются быть понятиями

Подошёл так же пригнанный дежурным в конце смены молодой эксперт Слава Маляров со своим чемоданчиком.

Старший лейтенант милиции Габоронов взяв из своей же подмышки папку из кожзама, достал бланк протокола осмотра места происшествия на пяти листах, положил его сверху на папку, которую так и держал в левой руке, а правой приготовился заполнять графы данного процессуального документа. Любимой чёрной ручкой «Pilot», его отдушиной. Хотя чем-то хорошим он владел. Ручка милиционера всегда должна быть с чёрной пастой, на случай если упустил что-нибудь при оформлении, всегда можно дописать хоть через неделю. А синюю пасту подобрать в дальнейшем труднее. Этот приём ему достался по наследству от старослужащих коллег.

Начальник паспортного стола оторвался от телефона. Поздоровался за руку и пояснил, что разговаривал с самим начальником всего отдела. Дознаватель Габоронов понимающе кивнул и улыбнулся, мол, претензий к пренебрежительному первоначальному отношению не имею. Сергей понимал, что в милиции есть «работяги», а есть «близкие». Близкие к начальству, естественно. Дознаватель, параллельно задавая уточняющие вопросы всем присутствующим о точном адресе, ФИО, названии некоторых предметов, приступил к своей работе:

ПРОТОКОЛ

осмотра места происшествия

г. Кирпиченск «20» августа 2010 г.

Осмотр начал в 07 часов 43 минуты

Осмотр окончен в __ часов __ минуты

Я, дознаватель ОД ОВД по Кирпиченскому району
старший лейтенант милиции Габоронов С.В.

получив сообщение от оперативного дежурного ОВД по
Кирпиченскому району

прибыл в Отдел Управления Федеральной миграционной
службы России по Красногорской области в Кирпиченском
районе, расположенный по адресу: г. Кирпиченск, ул. Ок-
тябрьская, д. 3

и в присутствии понятых:

1. Мирошников Сергей Петрович, прож.: г. Кирпиченск,
ул. Ленина, д.11, кв. 43
2. Рахметов Дилшод Равшанович, г. Кирпиченск, ул. Со-
ветская, д.9, кв. 36

с участием: Начальника Отдела Управления Федеральной
миграционной службы России по Красногорской области в
Кирпиченском районе майора милиции Хвостенко Николая
Михайловича

в соответствии со ст. 164, 176 и частями первой-четвёртой
и шестой ст. 177 УПК РФ

произвёл осмотр: кабинета № 3 ОУФМС России по Крас-
ногорской области в Кирпиченском районе

Перед началом осмотра участвующим лицам разъяснены их права, ответственность, а также порядок производства осмотра места происшествия.

Понятым, кроме того, до начала осмотра разъяснены их права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ.

Специалисту (эксперту): Малярову Вячеславу Александровичу разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст. 58 (57) УПК РФ

Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств: фотоаппарата Canon EOS 400D специалистом

Осмотр производился в условиях: в помещении при смешанном освещении.

Осмотром установлено: объектом осмотра является кабинет начальника ОУФМС России по Красногорской области в Кирпиченском районе под № 3, расположенного на первом этаже четырёхэтажного здания 1960 года постройки дома № 3 по ул. Октябрьская города Кирпиченска, вход в который осуществляется через деревянную дверь. На момент осмотра которая была открыта. При визуальном осмотре замок видимых повреждений не имеет. Со слов участвующего в осмотре начальника ОУФМС Хвостенко Н.М. около 07 часов 10 минут 20 августа 2010 г. он открыл её своим ключом.

Осматриваемое помещение имеет размеры около 3 м. на 3 м. На противоположной стене от указанной межкомнатной двери, в центре стены имеется одно окно, размером около 1,2 м. на 1,8 м. которое ведёт на улицу Октябрьская. Само окно и запорный механизм видимых повреждений не имеют. Имеются датчики сигнализации, повреждений не имеют. Слева от входа, на расстоянии около полутора метров от левой стены и около полуметра от правой, внешней стороной ко входу, вдоль стены расположен деревянный стол, на котором имеется компьютерный монитор, мышка, клавиатура, документы. Под столом системный блок, тумбочка. С внутренней стороны указанного стола имеется мягкое офисное кресло спинкой к стене. Далее с лева на право, в дальнем левом углу кабинета, установлен второй деревянный стол внешней стороной ко входу. Стол принадлежит начальнику ОУФМС. На деревянном столе монитор от компьютера, клавиатура, мышка, документы. Под столом системный блок, мусорная корзина, металлический сейф. Его размеры около 40 см на 80 см. Заперт, замок видимых повреждений не имеет. Со слов участвующего в осмотре лица Хвостенко Н.М. внутри находятся документы. После его проверки последним около 07 часов 12 минут ничего не пропало. Далее с правой стороны комнаты вдоль стены находятся шкафчики в количестве четырех штук, в ширину около 40 см каждый и в высоту около 1,2 м, без видимых повреждений, внутри документы. Их открытие осуществляется в свободном доступе.

Со слов Хвостенко Н.М. внутри находится служебная документация, не представляющая материальной ценности, лишь приказы, распоряжения. При визуальном осмотре ничего не пропало. С правой стороны, в ближнем углу около указанных ящиков имеется большой металлический сейф. Размер около 60 см как в ширину, так и в глубину, высотой около 1,4 м. Сейф советского производства. Со слов участвующего лица специалиста Малярова В.А., согласно характеристикам: вес сейфа около полтонны, насыпной, толщина металла около 3 мм. Имеется старый сейфовый замок сувальдного типа. При визуальном осмотре попытка взлома замка не установлена. Со слов участвующего лица – начальника ОУФМС Хвостенко Н.М. в сейфе находятся бланки строгой отчетности, а именно паспорта граждан РФ. Последний открыл сейф единственным ключом. При пересчёте в присутствии понятых, со слов Хвостенко Н.М. все бланки в количестве 49 штук на месте. Бланки загранпаспортов в количестве 32 штук также на месте. Со слов Хвостенко Н.М. данное количество бланков соответствует количеству не выданных гражданам паспортов, а также из указанного сейфа ничего не пропало. В центре осматриваемого помещения, в бетонном полу, имеется сквозное отверстие размером около 0,5 м на 0,5 м. Бетон, толщиной около 20 см. Очевидно, что деформация произведена предположительно с помощью инструмента для бурения или сверления. Осуществлена резка двух прутьев арматуры, установленных в бетоне. Внизу, напротив

указанного отверстия, в подвальном помещении просматриваются остатки бетона в виде различных фигур неправильных форм. Пол в помещении из напольной плитки, которая также, соответственно повреждена в месте отверстия в полу. Её осколки находятся в подвале вместе с бетонными кусками. В ходе осмотра ничего не обнаружено и ничего не изъято.

В ходе осмотра проводилась: фотосъёмка

При производстве следственного действия изъяты: не изъяты

Всё обнаруженное и изъятое при производстве следственного действия предъявлено понятым и другим участникам действия.

К протоколу прилагаются: фототаблица

Протокол предъявлен для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъяснено их право делать подлежащие внесению в протокол оговоренные и удостоверенные подписями этих лиц замечания о его дополнении и уточнении. Ознакомившись с протоколом путем: личного прочтения участники следственного действия сделали следующие замечания о его дополнении и уточнении: замечаний нет

Понятые: _____

Специалист (эксперт) _____

Иные участвующие лица: _____

Настоящий протокол составлен в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ.

Дознаватель _____

После чего все вышеуказанные участвующие лица по очереди расписались в составленном протоколе. Фототаблица всегда прикладывалась к осмотру позже, когда эксперт составит и распечатает её в своём кабинете.

Затем дознаватель Габоронов проставил время окончания осмотра, который длился более двадцати пяти минут.

Пока начальник ОУФМС разговаривал с начальником КМ ОВД и опером, а понятые стояли молча и мечтали о той минуте, когда же их уже отпустят, Габоронов поинтересовался у эксперта, который в органах отработал не более трёх лет:

– Замок в большом сейфе точно не пытались вскрыть?

– Надо исследование проводить. Этот сейф неподъёмный. А мне нужен сам замок, то есть его нужно изъять по-хорошему, но тогда сейф останется незапертым. В таких условиях я исследование не проведу, это в нашем отделе делается. А кто нам разрешит замок снять? Тоже самое и с маленьким сейфом начальника, целиком же его не заберёшь. Поэтому я указал, что при визуальном осмотре явных следов взлома не обнаружено.

– Понял, ты прав. Но лучше попробовать и пожалеть, чем пожалеть, что даже не попробовал! – улыбнулся Габоронов.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами эксперт Маляров.

– Николай Михайлович, – обратился Габоронов к начальнику данного помещения, – По-хорошему замок сейфа вот этого, да и маленького тоже, нужно снять и передать экспертам на исследование. Выяснить, пытались ли их вскрыть.

– А мне с открытыми сейфами сидеть? Где мне хранить бланки строгой отчётности? Сейфов у нас больше нет, – другого ответа дознаватель и не ожидал.

Таким вопросом при всех Сергей Габоронов переложил ответственность за данное нарушение при совершении процессуальных действий на майора милиции Хвостенко. Когда и если дознавателя будут ругать за то, что он протоколом осмотра места происшествия не изъял замки, то перед своим начальством он может сказать, что Хвостенко не дал этого сделать. Если бы Габоронов не спросил при всех, то потом начальник паспортного стола непременно сказал бы: «Да меня никто не спрашивал! Я бы отдал замки. Конечно, что мне, жалко их, что ли?»

В милиции каждый шаг имеет ответственность. И эта ответственность футболился сотрудниками друг другу как только может. Иногда и таким изворотливым образом. Поначалу Габоронов так не поступал. Не понимая, что за каждую подпись, за каждый составленный документ, за каждую поблажку гражданину существуют исключительно отрицательные последствия. В первый год работы Сергей подходил к каждому случаю индивидуально. Жалел «сбившихся» с пути истинного. Верил им, не слушая наказания по этому поводу

более опытных коллег. Но постепенно старлею приходилось менять своё мнение. Жулики учили хорошо. Точнее, отучали верить людям. Вот, например, из последних. Один подозреваемый был отпущен под подписку о невыезде. Но вскоре пропал. На звонки не отвечал. Габоронов за свой счёт, воодушевлённый пендалем от начальства, сгонял лично за ним в соседнюю область, где, предположительно, он «завис». Через день жулик, которого Габоронов стал называть «Халатный» (потому что безответственный) был привезён в багажнике. Чтоб помнил о ранее данном обещании отвечать на звонки и приходить по первому требованию. С тех пор этот жулик по просьбе Габоронова звонил ему раз-два в неделю. Даже после того, как дело ушло в суд и Халатный получил свои пару лет условно. Жулик учился ответственности и «отмечался» регулярно.

В милиции ведь как? Дело не в том, что не жалеешь и не отпускаешь кого-то, потому что человечности нет. Дело в том, что окружающие коллеги не верят в бескорыстность таких поступков! Все воспринимают это как увод от ответственности за деньги. Это называется – продал. Поэтому совершать смягчающие поступки по отношению к людям категорически не рекомендуется, а даже возбраняется. Ибо не докажешь, что сделал это просто так.

Кроме того, и по отношению к потерпевшим Габоронов жалость испытывал избирательно. Как-то вызвали в прокуратуру, заставили объясняться, почему он не изъясил угнан-

ный автомобиль как вещественное доказательство. Произошёл угон. Собственнику нашли его имущество. Поскольку у потерпевшего был единственный доход в виде занятия извозом на указанном транспортном средстве, Габоронов, конечно же, не стал его изымать как вещественное доказательство, чтоб не лишить человека работы. Передал под ответственное хранение владельцу под расписку.

Далее, было возбуждено уголовное дело. В рамках которого необходимо производить осмотр вещественных доказательств в присутствии понятых. Да вот собственник взял да и продал до этого момента угнанный ранее автомобиль, лишив уголовное дело вещдока. Что взять с потерпевшего? У него жизнь идёт своим чередом. Да и все понимают, что наличие этого авто, после того, как его угнали, вернули, осмотрели и ответственно хранили – лишь формальность. Но с точки зрения закона: захотят участники судебного процесса ознакомиться с вещественным доказательством по делу, а его нет! Дело может развалиться. Адвокат жулика обязательно этим воспользуется. Поэтому, в прокуратуре Габоронова поругали, сказав, что нужно было сделать всё, чтобы вещдок по делу сберечь. И не важно, что в отделе нет места для хранения такого большого вещественного доказательства. Что нет такой практики. Что Габоронов пожалел человека и отдал «кормилицу». Не уберёг, одним словом. А, значит, создал условия для увода от ответственности преступника! О, как звучит. Дисциплинарного взыскания тогда дознаватель

не получил, но нервишки Габоронова были потрёпаны. В целом всё обошлось, только лишь из-за того, что на суде адвокат оказался бесплатным и защищал угонщика формально, без интереса.

Поэтому в указанное доброе утро, Габоронов понимал, что с точки зрения закона для прокурорских вся ответственность по неизъятию сейфовых замков была на нём. А жизнь диктует здравый смысл: не оставлять же бланки паспортов в свободном доступе? Может злоумышленники ещё вернутся? Может, их спугнули? Что делать? Как тут быть?

Начальник КМ Ерёмов поздравил Габоронова:

– Ну вот, а ты переживал. Иди, сдавай смену!

– Ага, спасибо! Только нужно второй осмотр написать? – заявил дознаватель, чья смена уже формально закончилась.

– А что ты хочешь ещё осмотреть? Подвал, что ли?

– Да, надо бы.

– А одним осмотром нельзя? Ты же написал, что имеются осколки, так сказать, бетона в подвале.

– Было бы процессуально правильно ещё одним осмотром на входную дверь подвала глянуть и сам подвал.

– Там ничего нет, я смотрел, – заявил опер Шикунов.

– Верю, но это к делу не пришьёшь. Думаешь мне оно хочется? Просто, чтоб прокурорские потом материал не завернули. Теоретически там инструмент может быть. Электричество они откуда-то взяли? Розетка там. Не знаю. Если там ничего нет, то так и напишем. Нам же проще. Но составить

второй осмотр надо. Пока вон понятия есть.

– Паш, иди, проводи во двор, – попросил подполковник Ерёмов старшего лейтенанта Шикунова помочь дознавателю. Оказать, так с сказать, оперативное сопровождение.

Каждое нераскрытое преступление, содержит в себе тайну. Сотрудников милиции в этом плане трудно уже чем-то удивить. Но иногда и такое случается...

Глава 2. Распускать свои ноги – не мешки ворочать

Начальник ОУФМС Хвостенко и глава всех оперов Ерёмов остались в осмотренном кабинете паспортного стола.

Дознаватель, опер, эксперт и понятые стали проталкиваться среди толпы людей, нуждавшихся в миграционных услугах. Вся очередь с улицы мигрировала в коридор учреждения, поскольку часы отбили начало приёма. Протиснуться предстояло всего лишь от кабинета начальника ФМС до выхода на улицу.

Однако, как только понятые поняли, что милиционеры хотят их ещё куда-то потащить, сразу пошли в отказ:

– Не, уважаемые, отпустите, а? У меня очередь в пятый кабинет, я с утра занимал, вон за тем человеком, который туда вошёл. Ко мне брат приехал, надо ему прописку делать, – взмолился Рахметов.

– А мне на работу надо, опаздываю уже, – подхватил Мирошников.

– Да я скажу потом начальнику, Вас примут, – оперуполномоченный Шикунов, с чертами лица как у русского и советского поэта Владимира Маяковского, попытался таким образом заинтересовать Рахметова.

– Не, спасибо, я с утра очередь занимал, как раз я следу-

ющий, я тут останусь.

– Ты паспорта у них проверял? – спросил дознаватель Габоронов у Шикунова, чтобы убедиться в том, что личности понятых установлены. А то граждане могут и просто назваться «левыми» именами, потом ищи их.

– У Рахметова есть, гражданин России, – и добавил тихо Габоронову, – Как ни странно. Остальные иностранцами оказались. Поэтому я вот, прохожего попросил, Мирошникова. С собой у него паспорта нет, но утверждает, что местный.

– Да я местный! Зачем мне с собой паспорт таскать?

– Самый популярный ответ, – улыбнулся Габоронов, – Паспорта для того и выдают, чтоб они дома лежали. Скажите на всякий случай номера телефонов, запишу в осмотр около Ваших ФИО.

Но Габоронов пронзительно посмотрел на старшего лейтенанта Шикунова, дав понять, что тот поступил неправильно. Личность понятого не установлена, а в протокол осмотра Мирошников уже вписан. Шикунов, в свою очередь тоже посмотрел на Габоронова взглядом, дающим понять: «А где я тебе в такое время найду понятого в обнимку с паспортом?». Это были два одноклассника, знающих друг друга всю жизнь.

После фиксации номеров дознаватель отпустил понятых.

– Ладно, идите, спасибо за помощь! Только из города не уезжайте, можете понадобиться!

– Как не уезжайте? – испугался Рахметов, – Мне как раз надо...

– Да шучу я, – начал успокаивать Габоронов, – Живите как жили, не думаю, что по такому пустяку Вас будут вызывать.

– Пустяку? – Рахметов удивился ещё больше.

– Та, никого ж не убили, – попытался придать незначительность данному проникновению в паспортный стол и сам дознаватель.

Выйдя из паспортного стола, сотрудников вневедомственной охраны уже не было видно. Ерёмов их отпустил за ненадобностью. Датчики охраны не сработали, на дверях и окнах они были исправны. Объёмных чувствительных элементов, включившихся бы, когда в помещении меняются габариты, то есть кто-то появляется или исчезает, попросту не было. Способ проникновения неординарный, поэтому к сотрудникам, охраняющим данный объект дистанционно, претензий не было.

Звук мелодии сотового телефона заставил Габоронова напрячься: «Что ещё?». Однако на маленьком экранчике телефона он увидел имя звонящего абонента – «Габоронова». Он улыбнулся, но на звонок не ответил. Отклонил его, нажав на красную кнопку.

– Ну что, Павел Владимирович, пойдём подвал осматривать? Где понятых искать будем? – поинтересовался дознаватель у опера.

– Может лучше пожрём? – Шикунов рад был покушать в любое время! Но, как уже было сказано, в силу полной отдачи милицейскому делу ему это редко удавалось.

– Павел Владимирович, давай закончим с этой дыркой?

– Тогда, Сергей Владимирович, там, во дворе дома понятых и поищем, – между собой они иногда обращались друг к другу уважительно, по имени и отчеству, вытаскивая, так сказать, самих себя из низов.

Снова зазвонил телефон Габоронова. Имя абонента – «Зефирка». Сергей уже не улыбался, и просто не ответил на входящий.

Дознаватель, опер и эксперт вновь предприняли попытку отправиться на осмотр подвала изнутри. Но далеко не ушли.

Снова звонок Габоронову.

– Как я люблю эту работу! – произнёс дознаватель, нажимая на кнопку принятия вызова, – Да, Ольга Юрьевна! Здравия желаю!

– Габоронов, что по Десяткину?

– Всё по-прежнему. Воду мутит. В несознаночку играет. Пытается соскочить. Но я с ним пока только по телефону разговаривал. Никак до меня дойти не может. Или не хочет, – дал краткую характеристику по делу дознаватель.

– Дожимай его! Звони ему, Габоронов, пусть приходит! Скажи, что он в суд по любому пойдёт, зря упирается!

– Ольга Юрьевна, я ещё с дежурства смениться не могу, отправили на осмотр в паспортном. Один написал, теперь на

второй выдвинулись...

– Я знаю, где ты Габоронов. Я уже переговорила с Ерёмовым. Они хотят на тебе незначительность сделать. Им нужно в сводке твоё имя, чтоб дознаватель на выезде был, а не следователь. Но там проникновение чистой воды, а не какое-нибудь обрушение бетонного пола.

– Да, тут проникновение так проникновение... – подтвердил подчинённый.

– Отдай осмотр, который ты уже написал, второй не надо. От тебя им и этого хватит. Второй пусть следователь пишет. Десяткину звони. Давай, с тебя пять дел в этом месяце! Не забывай!

– Забудешь такое, Ольга Юрьевна! Каждый месяц эти тараканы бега.

– Давай, Габоронов, нам не до мелочей! Пятница, двадцатое число, конец месяца, не до шуток! Пять дел! Семь рабочих дней!

– А как же, с ночи же я? Поспать бы!

– На том свете выспимся! Давай Габоронов, звони Десяткину!

– Есть. Понял. Выполняю, – произнёс на этот раз без энтузиазма Сергей Габоронов.

– Что там? – поинтересовался Шикунов.

– Начальница звонила. Ухожу я от вас. Держи осмотр в материал. Сказали, второй мне не надо писать. Узнаешь что-нибудь по данному факту, намекни, – обратился Габоронов

к Шикуну имея в виду всё происшествие в целом, – Интересно всё-таки, кто ж такой дерзкий, что б в паспортный стол так с низу постучаться.

– Узнаем. Такие дела раскрываются, – неожиданно уверенно заявил Павел Шикун. Такой уверенности от уголовного розыска Габоронов не ожидал. Так сказать, всё равно, что пообещать. Но убеждённость коллеги-одноклассника только приободрила дознавателя: «Не всё так плохо с российским сыском!».

Однако сейчас, как сказала начальница отдела дознания полковник милиции Ольга Юрьевна Смирнова, было не до мелочей! Нужно ускоряться! Считай, конец месяца, а сдача пяти дел в суд под угрозой из-за комплекса не только зависящих от Габоронова обстоятельств! Надо собраться, напрячься и не подвести родную милицию, выполнив свой служебный долг!

Было уже около восьми часов двадцати минут, когда дознаватель вычеркнул из списка своих дел происшествие в паспортном столе. Всё – больше это не его забота. Надо было пойти сдать, то есть вернуть служебное оружие в дежурную часть. А потом позвонить жулику Десяткину, как того требовала полковник Смирнова.

По дороге от паспортного стола, который располагался в центре города, к отделу милиции находился продуктовый магазин «Копейка». В нём работала симпатичная продавщица Ирина.

– Пачку мальборо белого, пожалуйста, – обратился Габоронов к работнику торговли.

– Тридцать два рубля, пожалуйста, – вежливо улыбнулась Ирина.

Габоронову она нравилась. Визуально возраст у них был одинаковый. Заходя в указанный магазин, Сергею становилось хорошо на душе от честного, радостного взгляда девушки. Но заговорить с ней, кроме как по делу, он никогда не решался. Предполагал, что у такой красавицы ухажёров хватает. В связи с чем на него она никогда не обратит внимание. Красавцем же себя он никогда не считал. Хотя никакого отторжения его внешность не вызывала. Но к своим двадцати семи годам он пока ещё не понял, что женщинам для серьёзных отношений не нужны холёные индивиды, а востребованы уверенные в себе и надёжные мужчины.

Это тот случай, когда спустя годы рассказываешь девушке о своей нерешительности по отношению к ней, а она заявляет: «Во, дурак! А я ждала, когда же ты наконец подойдешь!» или «Ну что ж ты тогда мне этого не сказал, ты мне так нравился!». Но уже поздно. Время упущено.

Уверенности в себе по отношению к девушкам Габоронов не испытывал всё по тем же финансовым причинам и отсутствию свободного времени. Он всегда рассуждал: «Что я смогу ей дать? Я всегда на работе. Как я смогу обеспечить её с таким заработком?» Финансовая несостоятельность, конечно, унижает. А униженный человек никогда не будет уве-

ренным в себе.

Всё тянулось, само собой, с юности. Когда ещё в школе Серёжа, заранее проверив цену на билеты в кино, насоби­рал нужную сумму и пригласил пассию на просмотр филь­ма. Придя вместе к кассе, смело заявил о своей претензии на два билета. В окошке услышал несколько не ту стоимость, на которую рассчитывал. Оказалось, заранее глянув на це­ны в кассе, он их неправильно понял. Это была стоимость детского билета – показывали соответствующий фильм. А в данном случае, сеанс был обыкновенным, поэтому цены бы­ли больше почти в два раза. Посчитав тогда, сколько нуж­но денег за два взрослых билета, Серёжа не просто оказал­ся в неудобной ситуации. Он был оглушительно унижен, по­скольку сам, пригласив в кино девочку, подведя её к окошку кассы кинотеатра, услышав сумму, понял, что столько денег у него нет. Испытал чувство позора. Конечно, он предложил не идти на сеанс, а поесть на улице мороженого. Девочка согласилась и, возможно, даже не придала этому случаю зна­чения... Но для Серёжи это было запоминающимся эпизо­дом о собственной несостоятельности как ухажёра.

Вот и спустя годы, подсознательно памятуя о случае в юности, в указанном выше продуктовом магазине, Габоро­нов довольствовался лишь многозначительным, проникно­венным взглядом со стороны Ирины. По крайней мере, в его воображении была именно такая интерпретация тёплого взора красавицы. И таким же искренним, но выражающим:

«конечно ты мне очень нравишься, но, к сожалению, по ряду причин мы не можем быть вместе» взглядом Сергея они расставались каждое утро.

В дежурной части, которая располагалась в отдельно построенном здании во дворе указанной выше «гостиницы», дознаватель увидел уже весёлого Кошмарика, психика которого, в принципе, была крепка. Чего только он не выслушивал на дежурных сутках при ответе на звонки по «02». Сообщения об обнаружении трупов, о кражах, грабежах, разбоях, об изнасилованиях. Кроме того сообщениях о ДТП, о людях, справляющих малую и большую нужду в общественных местах, о громких соседях. А ещё жалобы граждан о том, что инопланетяне подглядывают за ними в душе, а иногда и заглядывают в самую душу. Плюс к этому всемогущие постоянные недовольства коллег-сотрудников. То делят между собой, кто из экипажей патрульно-постовой службы поедет гонять пьяных по городу, а кто должен ехать из следственно-оперативной группы на выезд. И в обязательном порядке Кошмарнику нужно ещё добиться качества или вообще наличия оформляемых материалов, отчитаться перед областным дежурным, вовремя доложить руководству о значительных происшествиях. А их не мало. Руководства не мало. Каждый мнит себя начальником и требует своевременного доклада от дежурного о происшествиях. И это лишь малая часть, в которую погружается оперативный дежурный на рабочих сутках. Сменяется он не в восемь часов, как должен. А где-то к обе-

ду, пока не приведёт в бумажный порядок суточную смену.

– Ну, что Серёжа, написал осмотр? – улыбаясь спросил Кошмарик, находясь в оружейной комнате, глядя на Габоронова через кормушку, маленькое окошко металлической двери.

– Написал. Так написал, что зачитаешься! – Сергей разряжал две обоймы пистолета Макарова, – Только там громкое преступление, меня какого туда подтянули?

– Тут такой переполох был, – продолжал круглолицый Кошмарик наблюдая, как дознаватель вставляет патроны в колодку. Эту условное название изделия, предназначенного для хранения пистолета ПМ в специальном гнезде, двух обойм и шестнадцати патронов к нему, – Представь, Хвостенко зашёл в свой паспортный, открыл кабинет, а там продолбленный бетонный пол. Он всё закрыл и в дежурку прибежал. Ерёмов сказал по-тихому начинать оформлять. Но к данному моменту конспирация была нарушена. ФСБ и прокуратура узнали об этом, как ты говоришь, громком деле. Резонанс! Теперь до вечера все подпрыгивать будут. Всем интересно, что это было. Теперь только раскрывать остаётся.

– А я, я-то как в этот замес попал, товарищ оперативный дежурный? – шутя пытался «предъявить» Габоронов, отлично понимая, что Кошмарик лишь исполнял волю начальства.

– И я был категорически против, Серёжа! Меня заставили! – улыбаясь пояснял седовласый капитан милиции Шкоमारов. Взяв подставку с разряженным огнестрельным ору-

жем, двумя магазинами и шестнадцатью патронами, распрощался как обычно – Давай, Серёжа, всё, удачи!

Суточная смена считается оконченной после разоружения. Габоронов своё оружие сдал.

Несмотря на то, что на словах Кошмарик выразил соболезнования по поводу вмешательства дознавателя туда, куда не должен был, в сводке областному дежурному он всё же указал такие слова, как: «Обрушение незначительной части бетонного пола, выезжал дознаватель Габоронов». Уже звучит как несчастный случай!

Номер телефона Десяткина был указан в уголовном деле. Оказавшись в отделе дознания, открыв кабинет, Габоронов оставил свою папку на рабочем столе, положил на неё фуражку. Взял дело, возбужденное по той же статье, которой подполковник Ерёмов решил заштопать дырку в паспортном столе, а именно: по части первой статьи сто шестьдесят седьмой «умышленное повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба». Нашёл в нём номер телефона Десяткина. Набрал который, вышел на балкон, закурил сигарету:

– Доброе утро, Алексей Борисович! Это дознаватель отдела дознания ОВД по Кирпиченскому району снова Вас беспокоит, старший лейтенант Габоронов.

– Да, здравствуйте. У меня записан Ваш номер, – ответил Десяткин, не очень обрадовавшись звонку милиционера.

– Алексей Борисович, что-то Вы никак до меня не дойдё-

те. Поэтому Вам необходимо прямо сейчас в последний раз попытаться это сделать и подойти ко мне в кабинет. Всё по тому же нашему делу. Нужно переговорить.

– Сейчас? Я сейчас не могу...

– Алексей Борисович, – перебил Десяткина дознаватель Габоронов, – напоминаю Вам, что Вы находитесь под подпиской о невыезде и надлежащем поведении. Поэтому должны являться по первому требованию органа дознания. А таких требований я к Вам предъявлял уже два раза. Вы никак до меня не дойдёте. Алексей Борисович, Вам самому это не надоело? Больше года уже эта ситуация тянется. Приходите, надо кое-что обсудить. Можем устроить концерт с приводом. Вам поручение участковому, он к Вам на работу придёт...

– Хорошо, я сам приду, – недовольно произнёс подозреваемый по делу.

Данное уголовное дело досталось Габоронову по наследству. Такое частенько бывает, когда жулик сходу не отправляется в суд, препятствуя наведению справедливости своим отказом в признании вины. Когда делал злодеяние, должно быть, получал удовольствие. Но после «банкета» платить не захотел. Поэтому в силу вступает механизм доказывания виновности. А это, как может показаться на первый взгляд, при очевидности уже совершённого деяния, не так-то просто.

Как правило, такие дела из-за недоказанности потом приостанавливаются. Возобновляются после проверки в прокуратуре и снова приостанавливаются, заполнившись лишь

бодрыми рапортами сотрудников милиции о выполненных мероприятиях. Например, поиска дополнительных свидетелей или о проведении комплекса исчерпывающих действий. И если очень повезёт и сойдутся определённые обстоятельства, то когда-нибудь такое дело пойдёт в суд.

Конечно, многое зависит не только от отрицания вины жуликом. Важны и первоначальные действия дознавателя. Если его загруженность не позволит в первые тридцать суток уделить должное внимание уголовному делу с не признающимся, то вот как раз такой материал будет неприятным наследием.

Дело было возбуждено ещё в июне 2009 года. Забуксовав, было приостановлено и передано в прокуратуру. Данный контролирующий работу дознания орган возвратил уголовное дело с определёнными указаниями, которые должны способствовать раскрытию преступления.

В общей сложности к моменту принятия этого уголовного дела к производству старшим лейтенантом милиции Габороновым прошло четыре месяца дознания. То есть с момента совершения преступления до возбуждения уголовного дела прошло около месяца. Потерпевший не сразу обратился в милицию. Затем первые тридцать суток расследования. Приостановка. Прошло ещё несколько месяцев – вновь возобновляют производство по делу. Это значит начался второй месяц дознания. И так это протянулось больше года, сменились три дознавателя. И это разбирательство было отписа-

но начальником дознания Смирновой, единственному представителю мужского пола в её отделе – Сергею Габоронову. Все остальные сотрудники, коих было десять, принадлежали к женской половине рода людского.

Так исторически сложилось, что в дознании в основном работают сотрудницы. У них больше усидчивости и порядка с документами. Смирнова и брать то не хотела молодого, неопытного, совсем «зелёного» Габоронова. Но постоянная нехватка кадров в итоге растопила сильную женщину. Взяла-таки Серёжу, думая, что не справится и вскоре сбежит либо в уголовный розыск, либо в участковые. А пока «закрывает дырку». Но Габоронову понравилась такая работа. Это место было прямо его! Он полюбил ковыряться в бумажечках и изучать сущность людей, которая проявляется именно в критических ситуациях.

Есть буйно помешанные люди – активные, которым не сидится на месте: всегда куда-то надо. Сами себе и окружающим создают события. Такие постоянно в движении, нет у них какого-то внутреннего спокойствия. Куда и к чему они бегут? Как будто у них цель не обрести спокойствие, а вечно бежать в «колесе». Но при этом они всегда недовольны, их всё не устраивает, потому что вновь и вновь всё вокруг меняют, переделывают, перекрашивают...

А есть тихо помешанные люди – усидчивые: сидят себе, так сказать, часами, на поплавок смотрят, и им хорошо на душе. Мир вокруг не рушится. Всё идёт своим чередом, по-

током. Надо лишь прислушаться, присмотреться, найти своё местечко и наслаждаться жизнью. Не это ли цель человека – чтобы всё было хорошо?

Охотники любят бегать по горам за добычей. Рыбаки берут свой улов, сидя на одном месте. Габоронов был «рыболовом».

Он сработался с Ольгой Юрьевной. Был одним из сотрудников, кто мог «дожать» жулика. Старлей цеплялся своей принципиальностью в их сущность и не отпускал, пока не отправит в суд.

Вот фабула упомянутого уголовного дела: «05.05.2009 года, около 10 часов 15 минут, напротив дома № 6 по пер. Скалистый, города Кирпиченск, была повреждена левая задняя дверь автомобиля „ВАЗ-21099“, государственный номер У539АМ100, принадлежащего Шавко В.А., тем самым причинив заявителю значительный ущерб, на общую сумму 6361 рубль 00 копеек, что является для заявителя значительным».

Что же произошло, выражаясь простым языком? Какой-то гражданин в указанное время шарахнул ногой по двери припаркованного автомобиля. Помяв её, создал неприятностей собственнику автомашины на более чем шесть тысяч рублей. Важный момент: данная сумма для гражданина является значительной. Это подразумевает, что при учёте его дохода этот ущерб «съест» большую его часть. В данном конкретном случае потерпевший Шавко Василий Анатольевич

– пенсионер, которому раз в месяц родина выплачивала семь тысяч четыреста тридцать два рубля.

Пока было время для ожидания Десяткина, Габоронов решил пробежаться вновь по показаниям Шавко, чтобы освежить в памяти данную ситуацию.

ПРОТОКОЛ

допроса потерпевшего

г. Кирпиченск «16» июня 2009 г.

Допрос начат в 13 часов 43 минуты

Допрос окончен в 14 часов 25 минут

Я, дознаватель ОД ОВД по Кирпиченскому району
лейтенант милиции Рогачёва Т.М.

в помещении служебного кабинета № 11 ОД ОВД по Кирпиченскому району

в соответствии со ст. 189 и 190 (191) УПК РФ допросила
по уголовному делу № 648934

в качестве потерпевшего:

1. Фамилия, имя, отчество: Шавко Василий Анатольевич
2. Дата рождения: 09.04.1947 г.р.
3. Место рождения: пос. Гульрипш, Гульрипшского района, Абхазской АССР
4. Место жительства и (или) регистрации: г. Кирпиченск, пер. Скалистый, д. № 6
телефон: дом. 7-49-03

5. Гражданство: РФ

6. Образование: неполное среднее

7. Семейное положение, состав семьи: женат, на иждивении детей не имеет

8. Место работы или учебы: пенсионер

телефон: нет

9. Отношение к воинской обязанности: не военнообязанный

10. Наличие судимости: со слов не судим

11. Паспорт или иной документ, удостоверяющий личность потерпевшего: паспорт 00 02 301283 ОВД г. Кирпиченска от 26.12.2002 г.

12. Иные данные о личности потерпевшего: нет

Потерпевший _____

Иные участвующие лица: не участвовали

Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств: персональный компьютер, принтер дознавателем Рогачёвой Т.М.

Перед началом допроса мне разъяснены права и обязанности потерпевшего, предусмотренные частью второй ст. 42 УПК РФ. Согласно ст. 18 УПК РФ мне разъяснено право давать показания на родном языке или на том языке, которым я владею, а также пользоваться помощью переводчика бесплатно. Мне также разъяснено, что в соответствии со ст. 51

Конституции Российской Федерации я не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. При согласии дать показания я предупрежден о том, что мои показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае моего последующего отказа от этих показаний.

Потерпевший _____

Об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ предупреждён

Потерпевший _____

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Расскажите, с кем Вы проживаете по указанному адресу?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Я проживаю вместе с женой и сыном. Он совершеннолетний. Жена пенсионер, как и я.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко

В.А.: Расскажите об обстоятельствах, произошедших 05.05.2009 года, по факту повреждения левой задней двери автомобиля «ВАЗ-21099»?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: 05 мая 2009 года, около 10 часов я приехал на своей машине «ВАЗ-21099», к

своему дому по адресу: гор. Кирпиченск пер. Скалистый, д. № 6. В этот день я привез мешки с пшеницей, у меня дома небольшое количество кур. Подъехав к своему дому, я поставил машину около калитки.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Какой стороной вы припарковались к своему дому?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Я припарковался пассажирской стороной к калитке. До моего забора было около 30 см.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Какой регистрационный знак вашего автомобиля? Кому он принадлежит?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Гос. номер У539А-М100. Девяносто девятая оформлена на имя моего сына, Шавко И.В. Однако мой сын совершил административное правонарушение, в результате чего был лишен водительских прав на срок 1 год. Поэтому мой сын данной машиной не пользуется, а пользуюсь и распоряжаюсь я. Он выписал мне доверенность.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Кто является фактическим собственником автомобиля «ВАЗ-21099», государственный регистрационный знак У539АМ100? Вы лишь пользуетесь данным автомобилем, пока сын лишён права управления?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Фактически я являюсь собственником данного автомобиля, поскольку сын

больше им не пользуется и пользоваться не будет. Он принял такое решение после лишения прав. Поэтому сейчас за мой счет проводится техническое обслуживание автомобиля, я плачу налоги за него, страховые взносы, оплачиваю технический осмотр данного транспортного средства. После того, как сына лишили прав, у нас состоялся разговор, в котором мы совместно решили, что машина будет принадлежать мне. Да и при покупке машины мы давали ему значительную часть с пенсии.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.: После того, как вы припарковались 05.05.2009 года около своего дома, была ли возможность проезда далее по переулку у других участников движения? Там хватало места для проезда?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Конечно, моя машина не мешала проезду других автомашин, так как расстояние дороги около 5 метров. После того, как я там припарковался, проехало две машины. Это значит, что моя не мешала никому.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.: Имеются ли напротив вашего дома дорожные ямы, углубления, которые могли помешать проезду других участников движения?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Напротив моего дома, на дороге имеется дорожная яма, около метра в ширину и около 15 см. в глубину. Конечно, быстро не пролетишь,

но потихоньку через неё проехать можно. Повторюсь, другие машины проехали и яма им не мешала.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Когда вы подъехали к дому, видели ли вы кого-нибудь ещё по близости?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Да, соседка Аббасова Зоя Фёдоровна сидела на лавочке у себя во дворе. Моя жена Шавко Л.С. находилась также во дворе нашего дома.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Когда вы припарковали свой автомобиль, были ли на нём механические повреждения?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Нет, никаких повреждений не было. Я слежу за машиной.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Расскажите, что было далее, после того как вы припарковали свой автомобиль?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Выйдя из машины, я подошёл к багажнику, открыл его и начал выгружать мешки с пшеницей. За время, которое я выгружал мешки, проехало две машины, что говорит о том, что моя машина не мешала проезду другим автомобилям.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Вы помните регистрационные знаки, марки данных автомобилей?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: К сожалению, нет,

я не запомнил их, так как таскал мешки, они были тяжёлые.

Потом, спустя три минуты, я увидел автомобиль, принадлежащий Десяткину А.Б., который двигался с ул. Комсомольской по нашему переулку. Десяткин А.Б. был в автомобиле со своей женой, остановился около моей машины и, не выходя из автомобиля, стал кричать мне: «убери свою машину, мне нужно проехать». На что я ему сказал, что проезду автомашинам моя не мешает. После чего, Десяткин А.Б. вышел из своей машины и подбежал ко мне, громко выражаясь нецензурной бранью. После чего он подошёл к водительской двери моей машины и открыл дверь.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:
Зачем?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Не знаю. Может хотел, чтоб я сел в неё. В этот момент я стоял около багажника моей машины. Потом Десяткин А.Б. закрыл дверь и подошёл снова ко мне. В этот момент я повернулся лицом к нему, и тогда Десяткин А.Б. схватил за мою куртку двумя руками. При этом я облокотился на свою автомашину правым боком и придерживался правой рукой, чтоб не упасть. Тогда Десяткин А.Б. начал тащить меня на себя, высказывая нецензурную брань, в сторону водительской двери. Но я упирался, у него ничего не получилось. Спустя 15 секунд Десяткин А.Б. отошел от меня в сторону, снова к моей водительской двери автомашины. А я продолжил выгружать мешки с пшеницей.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:
Причинил ли Вам Десяткин А.Б. какие-либо телесные по-

вреждения в результате таких действий?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Нет, у меня ничего не было: ни боли, ни ударов, ничего такого. Так, потрепал только за одежду, и всё.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.: Сколько всего мешков вы привезли?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Пять мешков. После того, как он отошёл от меня, я в очередной раз наклонился, достал из багажника один мешок с пшеницей и понёс его во двор, а Десяткин А.Б. направился в сторону своего автомобиля. В этот момент я находился спиной к своему автомобилю и соответственно спиной к Десяткину А.Б., так как нёс мешок с пшеницей. Отнеся мешок, я пошёл снова к своему автомобилю, чтобы достать последний мешок. Затем я достал его с багажника и занёс во двор. Потом я подошёл к машине, закрыл крышку багажника и сел за руль своего автомобиля, отъехав на 5 метров вперёд. В этот момент Десяткин А.Б. сел за руль своего автомобиля и поехал по направлению к своему дому по адресу: пер. Скалистый, д. № 10. После чего я вышел из своего автомобиля и вошёл во двор. Далее я подошёл к своей жене Шавко Л.С. И жена мне сказала, что Десяткин А.Б. ударил мою машину ногой. И соседка Аббасова З.В. сказала мне, что Десяткин А.Б. ударил машину ногой, при этом она слышала стук по автомобилю. После чего, я вернулся к своей автомашине и увидел, что на левой задней двери вмятина, в виде круга, которой ранее не было.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Вы видели, что повреждения нанёс Десяткин А.Б.? Слышали ли вы стук?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Нет, я сам не видел, поскольку таскал мешки. Они тяжёлые, и я не особо прислушивался к тому, что происходит вокруг.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Почему вы не заметили вмятину сразу, когда отогнали автомобиль, чтобы Десяткин А.Б. проехал?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: Из-за данного конфликта я был расстроен и немного зол. Молодой человек разговаривал со мной грубо, выражаясь матом. Требовал отогнать автомобиль, хотя мог спокойно проехать. Поэтому, когда я подошёл к машине, я не рассматривал её, а постарался отъехать, чтоб он успокоился.

Вопрос дознавателя к потерпевшему Шавко В.А.:

Каков Ваш доход? Доход Вашей семьи? Почему сумма ущерба в размере 6361 рубль 00 копеек для Вас значительная?

Ответ потерпевшего Шавко В.А.: В настоящее время мой сын не работает, жена пенсионер, её пенсия составляет 7144 рубля. Я так же пенсионер и моя пенсия составляет 7432 рубля. Сумма ущерба оценивается в 6361 рубль. Конечно, данный ущерб для меня является значительным, так как других источников дохода, кроме пенсии, я не имею.

Мне разъяснено, что я имею право заявить гражданский иск в рамках данного уголовного дела. Гражданский иск в

ходе производства дознания заявлять не желаю. Желаю заявить гражданский иск в суде. Право рассмотрения данного дела судом в особом порядке мне разъяснено и понятно. Против данного права я не возражаю и желаю, чтобы оно рассматривалось в особом порядке.

Потерпевший _____

Перед началом, в ходе либо по окончании допроса потерпевшего от участвующих лиц: потерпевшего Шавко В.А. заявления не поступили. Содержание заявлений: нет

Потерпевший _____

Иные участвующие лица: _____

Протокол прочитан: лично. Замечания к протоколу: нет

Потерпевший _____

Иные участвующие лица: _____

Дознаватель _____

Звонок абонента «Зефирка» вернул Габоронова из погружения в детали уголовного дела.

– Да, алло! – недовольно произнёс Сергей Габоронов.

– Привет! Почему трубку не берёшь? – прозвучал по дебильному радостный мужской голос.

– Занят, работаю, в отличие от некоторых, – придал наигранную серьёзность своему голосу Габоронов, чтоб не выглядеть слишком грубым.

– Мы тоже работаем! Ты чё? У нас движуха на движухе! Пачками злодеев ловим!

– Ну, ну...

– Встретиться надо! Дело есть! – не унимался неуместно радостный голос.

– Знаю я твои дела. Ничего хорошего не предложишь.

– Предложу! Предложу! Как раз-таки предложу, Серёга!

– Как раз-таки не надо ничего предлагать, Денис! Я тебя знаю...

– Неужели ты откажешь во встрече своему однокласснику? Хорош ломаться, Серёга. Зазнался там, что ли?

– Да зазнаешься тут... Одно жульё вокруг, – пытался перейти на шутку Габоронов, но для себя отчётливо понимал, что эти слова относятся только к Зефирке.

– Тогда я подскочу? – настаивал абонент.

– Я после смены, скоро спать пойду, давай завтра?

– В субботу? – брезгливо произнёс Зефирка.

– А Вы, что, по субботам не работаете, что ли? Вот где служба так служба! В транспортную милицию нужно было идти, оказывается.

– Если завтра договоримся, помогу перевестись к нам. То же будешь жить как человек, – Денис начал давать несбыточное обещание.

– Ладно, ко мне люди пришли. Давай, завтра с утра увидимся, около десяти.

Никто пока в кабинет к дознавателю не пришёл. Но разговаривать с одноклассником очень не хотелось.

Если показать человеку, что не хочешь с ним общаться,

то сразу получишь врага. «Что? Он пренебрегает Моим обществом?». Как правило, иметь что-то общее не хочется с токсичными, вечно ноющими людьми, которые только забирают жизненную энергию. У которых количество проблем с каждым днём только увеличивается. И никакие логические советы, оказанная помощь их не спасает, поскольку они вновь и вновь делают по-своему, лишь усугубляя своё положение. Очищать свою жизнь от таких людей можно без последствий. Из них и враги-то так себе. В худшем случае станут просто недоброжелателями.

А вот есть другая категория, которым только стоит показать своё нежелание с ними общаться, как это приведёт исключительно к мести при первой же возможности. С такими дружить, а значит поддерживать их дичь – опасно. А отвергать их ещё рискованнее. У таких приходится быть в заложниках и выбирать, что лучше: терпеть общение и прожить ещё какое-то время, либо сразу послать и получить глобальные последствия. Например, самое безобидное – увольнение с работы. Причина, конечно, окажется не взаимосвязана с этим человеком. Такие действуют скрытно. Со стороны. Манипулируя властью имущими.

Одним из таких людей и был одноклассник Сергея – Зефирка. И ему, к сожалению, от Габоронова понадобилось явно что-то противозаконное.

Глава 3. От перестановки адвокатов меняется лишь сумма. От перестановки бедных с богатыми – всё посыпется

Зефирка – мерзкий, скользкий, злобный тип. Если бы характеристику ему давала его воспитатель в детском саду, она бы сказала: «Рос избалованным, толстожопым мальчиком».

Габоронову в студенческие годы не повезло оказаться с ним в одной группе. И теперь от этого факта некуда было деться. За пять совместных лет обучения, Сергей Габоронов изучил эту личность на отлично. И самое последнее, чтобы он хотел – иметь с ним хоть что-то общее. Переступит через любого. Подставит не глядя. Вот про кого можно точно сказать, что ничего святого у него нет. Когда нужно что-то ему, то он будет бомбардировать пока не получит. А если всё-таки ему не удалось заполучить желаемое, месть будет коварна. Одновременно с поиском других возможностей в получении задуманного. Если бы это были благородные цели, направленные на помощь добрым людям, тогда его можно было бы назвать целеустремлённым человеком с нестигаемым стержнем. Но у него мировоззрение было совсем иным...

Чёрный Денис Львович, он же Зефирка, получил такое

прозвище в студенческие годы. Когда на спор за упаковку зефирок переспал с одной девушкой, разыграв перед ней любовь. Это была скромная тихая девчонка, поверившая любовному натиску хулигана-искусителя. Условием сделки дружков были неоспоримые доказательства постельных дел. После исполнения задуманного, победу Чёрного его же товарищи не признавали. Делали вид, что раз нет «доказухи», то ничего и не было. Тогда Чёрный уговорил девушку снять на видео их амурные дела. Говорил, что для их семейного архива, на память о молодости и красоте. Заполучив пикантные съёмки, незамедлительно выложил их в Интернет. Рассказал всем, где можно это увидеть. Девушке от стыда пришлось уехать в другой город. А он получил выигранную упаковку зефирок. Вскоре отомстив и не поверившим изначально его слову дружкам.

Он чувствовал себя всегда безнаказанно. Поскольку его мама была судьёй в своё время. На момент окончания его учёбы вышла на пенсию, но стала оказывать платные юридические услуги. Попросту говоря – решала вопросы в суде. Там оставалась своей «в теме», а на гражданке числилась заведующей адвокатской конторой. Отец Чёрного работал в прокуратуре СССР. Так же был пенсионером. Какой-либо видимо-активной деятельности уже не вёл. Поэтому о его запятнанности нечего было сказать. Скорее всего, был старой правильной закалки, имея близких родственников в виде упырей у себя под носом, которые пользовались

его честным именем при необходимости. Не желал ли он этого замечать, или и правда не знал, остаётся не известным.

Знакомые с детства различного рода влиятельные люди взрастили в Чёрном чувство, что везде всё можно решить, договориться, сделать так, как надо. В связи с чем круг его знакомых всегда был соответствующим: такие же потомки влиятельных людей или наглые, отморозенные дети внезапно обогатившихся коммерсантов. При некоей финансовой состоятельности их родителей всегда творили что хотели. Если случались проблемы и за содеянное надо было бы ответить, всё решали запугиваниями и угрозами. Иногда приправляя всё это деньгами.

После юридического университета родители впахнули сыночка в прокуратуру. Но Чёрный сам попросился оттуда, поняв, что это серьёзная структура, в которой нужно пахать, работать и трудиться. Строго следовать букве закона. Быть грамотным, образованным и эрудированным. А Чёрный – полная противоположность.

Чтоб сыночка избавить от какого-то там служения Родине в солдатских сапогах, родители пристроили его в транспортную милицию. На должность не много не мало старшего инспектора по административной практике. В линейной милиции, по сравнению с городской, и так работы было немного. Иногда сотрудники ППС на железнодорожном вокзале напишут протокол на пьяного, вот Чёрный фактически занимался тем, что вёл учёт протоколов об административных пра-

вонарушениях.

В скором времени он понял, что, обладая милицейской ксивой, а в его руках это пошлое название было к месту, он стал вхож в милицейский мир, доселе считавшийся некой грязной нишей, в сравнении с другими правоохранительными структурами, такими как ФСБ и прокуратура. Оказалось, что на милицейском уровне иногда вопросы решаются быстрее и дешевле, нежели всё время обращаться через влиятельную силовую элиту.

Заводил знакомства. Мог решать вопросы в ГИБДД, чтобы не лишали прав. Мог раздобыть красивый государственный регистрационный знак. Многие отморозки стали обращаться к нему. По мере необходимости пытался отмазывать и от уголовных преступлений, если его дружки увлекались, например, рукоприкладствами. В общем, продолжал династию, обрастая связями в области правоохранения...

Габоронов же был с абсолютно другого круга. Простая семья, родители далеки от юриспруденции. После школы при выборе профессии Габоронов подошёл к дедушке Ивану Архиповичу, который рассудил так:

– Давай скупно, практично и со здравым смыслом: живём мы в маленьком селе, около небольшого городка. Без особо больших предприятий в округе. В наше время кругом учат в основном на юристов или экономистов. Выбирай юридический. Законы будут нарушать всегда. Без работы не останешься! Да и язык у тебя там, где надо. Хрен тебя перespo-

ришь...

– Кто бы говорил, – подметил внук, – Значит юридический... Деда, а кем работать, юристом? Что они делают? Знают законы?

– Что нам известно об этой профессии в наше время? Скорее всего, в перспективе нужно будет стремиться стать адвокатом. Они вроде хорошо зарабатывают. Плюс ко всему, защищают обездоленных и невинно обвиняемых. Но в процессе обучения ты начнёшь понимать: чтобы стать адвокатом, нужен юридический стаж. Связей у нас нет, мы люди простые, поэтому всё самим нужно проходить. Получить стаж без опыта сейчас никак. Значит, по окончании одна дорога: туда, где текучка сотрудников, где приходят и уходят на раз-два. Там потребность в служащих не уменьшается, а только увеличивается. Туда возьмут всегда. Там то стаж и опыт получишь. И вот ты, такой красивый, несмотря на то, что немного лопоухий парень, чтобы выйти из замкнутого круга с опытом и стажем, отправишься на службу в правоохранительные органы... Я как-то слышал, что в милиции есть должности, на которых долго не задерживаются. А ты потерпишь. Понятно, что с детства ты не мечтал стать милиционером. Но тебе придётся этим заниматься. Будешь охранять право, установленное властью в его задуманном, широком понимании. Правда, чтоб туда пойти, нужна будет служба в армии. Парень ты крепкий, широкоплечий. Зря, что ли, плаванием занимался? Отслужишь без проблем. Я служил, отец

вон, тоже. И ты будешь...

– Милиция – это хорошо, – подтвердил папа Габоронова, – вон у меня одноклассник, в сорок пять лет уже на пенсии. Неплохой вариант! Всю жизнь на посту простоял, тяжелее жезла ничего в руках не держал. Все побаивались с ним отношения испортить, посему относились к нему с таким видимым уважением. А мне ещё до шестидесяти пахать...

Семейный совет Габороновых так и решил. При чём не один из них понятия не имел о работе милиции! Какие это были текущие должности? Сколько зарабатывают адвокаты? Ничего не ведали! Данную схему бегло подсказал один «знакомый» юрист деда Габоронова. Его так и звали: «Юрист». Чем занимался, где работал – никто не вникал. Считался умным белым человеком лишь по одному названию. Он иногда приезжал вместе с женой проведать её бабушку, жившую в одном селе с Габороновыми. Вот дед, выловив как-то Юриста, раздобыл план действий для внука на всю жизнь.

Дед работал каменщиком, слесарем, стропальщиком, штукатуром-маляром и немного сварщиком. Папа Габоронова всю жизнь проработал на железной дороге машинистом. Они знали непонаслышке, что такое тяжёлый труд и ночные смены. И такую участь они Серёже не желали. Поэтому советовали туда, о чём судили только со стороны. Им казалось, что в милиции работать хорошо и престижно. Сергей, чтобы «выбиться в люди», следовал намеченному плану.

Если спросить о желании самого Серёжи после школы, то

мальчик, конечно, мечтал кем-то стать. Но, к сожалению, выбранная профессия кинооператора никак не умещалась в сознании сельских жителей как серьёзная профессия.

С детства Серёжу интересовала фотография. Дедушка подарил внуку советский плёночный фотоаппарат – «Смена». Серёжа научился печатать фотографии: проявитель, закрепитель, фиксаж³... Закроется в ванной комнате с красным светом, выносит потом фотографии, хвастается – всем нравится. А когда он увидел у крёстного видеокамеру, так не на шаг от него не отходил. Его эта магия видеозаписи завораживала. А видеомэгафон! А переписывать записи с одной видеокассеты на другую! Это была страсть Сергея!

Но когда дошло до момента выбора ВУЗа для поступления, идея с кинооператором на семейном совете сразу отменялась, как не реальная, не серьёзная и глупая. Прозвучали вопросы: «Где этому учат? – В Москве, если только! И учат ли на это вообще? Кто туда поедет? На что туда поедет? Где там жить?» Задавались какие угодно вопросы, на которые шестнадцатилетний парень без Интернета ответить не смог. Источником знаний о внешнем мире был телевизор, в котором в указанной сельской местности вещал лишь «Первый канал». Впоследствии и «РТР» добавился. Но на поставленные взрослыми вопросы и там ответ не транслировали. Телефон-то проводной провели где-то ко второму курсу университета, в году так две тысячи втором...

³ Химический раствор, в котором промывают фотографический негатив.

Все эти нахлынувшие воспоминания и размышления о своём месте в этом огромном мире после звонка Чёрного были оборваны зашедшей в кабинет Ольгой Юрьевной:

– Габоронов, что сказал Десяткин? Когда придёт?

– Обещал быть в скором времени, Ольга Юрьевна. Пытался сказать, что занят, но я пригрозил принудительным доствлением в наши хоромы.

– Правильно, Габоронов. Ну, ждём. Дожимай его. Два свидетеля видели, как он ногой ударил. Очные ставки проводи. Сына Шавко вызывай, пусть косвенным свидетелем идёт «со слов папы, мамы мне известно, что-такой-то ударил, помял», понял?

– Понял, Ольга Юрьевна, – произнёс без энтузиазма дознаватель.

– Переговори сейчас с ним и иди домой спать, – полковник прекрасно знала, как Габоронов дорожит после суточным сном. Но к данной замашке личного состава начальство категорически негативно относилось.

Например, потому, что если за ночь случилось одно-два серьёзных происшествия, то можно сказать, в общей сложности дежуривший спал около шести часов в сутки, хоть и в кабинете, в неудобном положении, не раздеваясь, но этого, по их мнению, вполне должно хватить. Съезди домой, переоденься, прими душ и «давай, давай, возвращайся».

Время было уже около девяти часов, всё той же пятницы. Служебный кабинет заполнился оставшимися дознавателя-

ми: майорами милиции Звонарёвой и Сивачёвой. Их называли «два декрета и майор». Между званиями, как правило, должно пройти три года. Если девушка будучи старшим лейтенантом отправляется в декрет, то по возвращении она уже капитан. Снова пошла за вторым ребёночком – жди обратно уже майором. В милиции «рожать выгодно». Останется отработать ещё лет четырнадцать до минимальной пенсии. И всё, жизнь удалась! Правда во время службы детки будут видеть маму крайне редко.

Так же в кабинет вошла лейтенант Третьякова. Миниатюрная, но цепкая барышня. Не смотря на все трудности, работала неистово. У неё была жажда к власти. Жёсткая, хваткая, своего не упустит. Тоже одна из тех, кто «дожмёт» любого жулика. Но если с ней наладить отношения, что у Габоронова получилось – лучше друга не найти. До вступления в милицейские ряды успела обзавестись мужем и родить ребёнка. По возрасту чуть старше Сергея.

Становилось жарковато. Сергей уж очень хотел переодеться после суточного дежурства, но это пока не маячило. Просто китель он не хотел снимать. Под ним рубашка, на которой погонов не было. Это всегда выглядит некрасиво. Поэтому нужно было перекидывать пагоны с кителя на рубашку, а для этого надо практически раздеться. Сидел, терпел.

Около девяти часов двадцати минут в дверь кабинета дознавателей постучались. Кто-то приоткрыл, не дожидаясь ответа.

– Вы к кому? – сразу набросилась Третьякова, чей рабочий стол находился ближе всего к двери.

– К Габоронову, – уверенно произнёс мужской голос.

– Проходите! – дознаватель Третьякова разрешила войти визитёру, – Серёжа, это к тебе.

Габоронов пригласил присесть тридцати трёхлетнего мужчину на стул, расположенный с правой стороны от его рабочего стола. Попросил минуточку дочитать что-то по уголовному делу, листая страницы. Это было для того, чтобы Десяткин немного осмотрелся, обвыкся, и его воинственный запал сдулся. Также надо было показать, что дознаватель начнёт тогда, когда посчитает нужным.

Взгляд Алексея Борисовича Десяткина был уверенным и даже нагловатым. Видно, что он не испытывает страх от самого факта нахождения в милиции. Он был женат. На иждивении сын шести лет. Официально работал, что была редкость для жулика. С виду добропорядочный гражданин – не подкопаешься.

Преступники в жизни – это как правило, антисоциальные элементы, работающие от случая к случаю, но с обязательными регулярными запоями. Они склонны к преступлениям, а именно: подраться, украсть что-нибудь, что-то сломать, испортить, влипнуть в какую-нибудь дурацкую историю в результате своих же безответственных действий. Это не организованная вооружённая преступность, которую обычный человек редко когда встречает. Это мелкие пакостники, ко-

торые своими действиями вредят простым людям, доставляют массу неудобств. Вот с такой преступностью в большинстве своём борется милиция. Скучно. Не романтично. Не масштабно. Не заметно. Но это кому-то надо делать! Приходится сдерживать слой населения, который никак не хочет эволюционировать в сторону порядка.

Часто ли слышно о тяжёлых, сложных операциях, которые проводят врачи? Например, реконструкция костей, пересадка органов, транслюминальная баллонная ангиопластика аорты? А кого мы видим в бесконечных очередях в поликлиниках? С какими диагнозами? С каким потоком болезней приходится справляться обычным докторам? Простуда, температура, воспаления лёгких, давление. Из чего-то посерьёзнее: аппендикс или переломы рук и ног.

Вот так и в милиции. Идёт поток краж, повреждений имущества, угонов, мордобоев. И всё это не от организованной преступности, а от таких же простых, только безалаберных людей, живущих рядом. Которые никак не желают выполнять элементарные правила поведения в обществе.

Алексей Десяткин же был не из тех забулдыг с философией из кинофильма «Джентльмены удачи»: украл, выпил – в тюрьму! Он обыкновенный, нормальный парень с образованием, с профессией составителя вагонов, не склонный к преступлениям вообще. Но! Совершивший его. Судя по всему – не сдержался. Психанул. Дал волю эмоциям. Можно его понять. Но Габоронов отлично знал и другое: совер-

шённое Десяткиным – это уже плохой сигнал. Тогда он не сдержал гнева и ударил ногой по двери автомобиля, потрепав перед этим пенсионера, между прочим. А в следующий раз что? Из-за этой безнаказанности поймёт, что такое поведение не имеет последствий, и даст в морду другому водителю за неправильную парковку? Просто снова не сдержится? Нервная система у парня расшаталась. Чтоб он взял в руки свои ноги, наказание должно быть.

Дознаватель отдела дознания старший лейтенант милиции Габоронов пристально посмотрел на Десяткина, оторвав взгляд от уголовного дела. Пытался понять, что это за человек.

Затем улыбнулся и спросил:

– Ну, что с Вами делать будем?

– Ничего. Я с адвокатом разговаривал. Он говорит, можно прекратить дело за примирением сторон и возмещением ущерба.

– Каким адвокатом? У Вас же Хлорин защитник. Так?

– Нет. Я нанял другого адвоката. Проконсультировался с ним. Он говорит, можно прекратить дело за примирением сторон.

– О как! В законе есть такая возможность, но о каком примирении идёт речь? О каком возмещении ущерба Вы говорите? Вы же утверждаете, что ничего не совершали. А значит не причиняли никакого ущерба! Не били ногой по автомобилю! Зачем это вы будете что-то возмещать, если этого

не делали?

– Да чтоб это уже быстрее закончилось! Это было больше года назад, а я до сих пор вынужден оправдываться за тот день!

– Так Вы нам всем одолжение сделаете? Возьмёте на себя то, чего не совершали, чтоб побыстрее всё это закончилось? Как благородно! Это потерпевший же во всём виноват! Из-за него же мы тут все собрались. Не из-за Вас, потому что Вы не смогли просто проехать мимо!

– Да не мог я проехать мимо! Там яма! А у меня машина была японская с низкой посадкой!

– Так что ж теперь, имущество другому человеку портить? Если Вы припаркуетесь неправильно, мне тоже можно будет подойти и шарахнуть ногой по двери Вашего авто?

Обстановка немного накалилась. Коллеги-дознаватели чуть-чуть притихли, разговаривая между собой. Впрочем, для маленького кабинета это было повседневной, нормальной атмосферой. Просто в такие моменты остальные коллеги начинали говорить чуть тише.

После небольшого молчания Габоронов предложил пройти на балкон и перекурить. Десяткин согласился.

Лицемерие – это поведение, прикрывающее неискренность. Это демонстрация человеку, что при совершении им плохого поступка ты его не осуждаешь, а даже находишь оправдания его действиям. Это для того, чтобы не испортить с ним отношения.

Лицемерный человек в обществе не вызывает уважения. Наоборот, такое поведение считается крайне негативным и подвергается осуждению.

Манипуляция тоже считается чем-то нарицательным. Поскольку это скрытое управление человеком, а значит хитрость.

Вот бы все жили открыто. Не хитрили! Говорили бы то, что думают... Не нравился бы им человек, например, коллега, так и говорили бы: «Мне не приятно с тобой разговаривать. Ты должен понимать, что мне приходится с тобой взаимодействовать по работе, которую я ненавижу! Заковыристо устроен мир: помимо всего прочего, чтобы выжить, людям нужно кушать. А чтобы есть, нужны деньги. А их надо зарабатывать. Сначала нужно десять лет в школе учиться. Потом, желательно в университете – пять. И только потом тебя допустят к какой-нибудь „нормальной“ профессии. Раньше люди ходили в лаптях, выращивали продукты в своём хозяйстве, жили в гармонии с природой, которая давала всё, что нужно человеку: свежий воздух, воду, еду, одежду. С раннего возраста осваивали навыки для жизни, помогая родителям по хозяйству. А теперь? Всем сделали местечки в городе. Ничего не производят! Делают вид, что вообще делают что-то важное: документки, подписи, печати, контроль. За это платят маленькую зарплату и отнимают весь белый свет. Поэтому я вынужден стоять тут и объяснять тебе в очередной раз, что шрифт печати документа должен быть двенадцатым,

а между строчный интервал – одинарный! Понимаешь?».

Нет. Всё по-другому устроено: «Ой, Вы сегодня так замечательно выглядите! Позвольте мне напомнить Вам: вот тут шрифт должен быть другим. Но это всё мелочи по сравнению с Вашей ослепительной красотой!» Можно принять это за вежливость, но тогда и она выражает не то, что думает собеседник. Получается, хитрят практически всегда...

У дознавателя Габоронова есть цель: привлечь к ответственности Десяткина за совершённое им преступление, при условии, что он вину не признаёт и в содеянном не раскаивается. Поэтому путём лицемерия, ради манипуляции, Габоронов затеял разговор на балконе милицейского учреждения:

– Думаешь я тебя не понимаю? Какой-то старый хрыч поставил посреди дороги своё корыто, начал там мешки разгружать. Плевать хотел на окружающих: «Пусть подождут!». Вынудил тебя ждать в тот момент, когда ты ехал с ночной смены. Устал, хочешь спать, а тут какая-то возня. Попросил отъехать, он ни в какую. Ты ему и так, и эдак, а он упёрся. Да я бы на твоём месте и по морде ему съездил! Как ты вообще сдержался?

Десяткин глянул недоверчиво на дознавателя, но старший лейтенант продолжал:

– Я-то вижу этих упырей каждый день: алкаши вонючие, дебилы недоделанные. Они в такой среде выросли, и ничего ты с ними не поделаешь. Никак не изменишь. А ты не из них! Я-то вижу, что ты не как они! Ты нормальный человек!

Образование. Работа. Семья. Ребёнок. Понятное дело, что ты никакой не преступник! Тебя возмущает сама ситуация, в которой ты, по сути, прав: это он машину поставил так, что тебе не проехать! Однако уголовное дело не разбирает всю подноготную. Тут не важно, отчего так случилось. Тут разбирают сам твой удар ногой! Что этому предшествовало, и кто виноват в том, что ситуация так сложилась это второй вопрос. На это прокуратура и суд даже не смотрят. Тут отметаётся вся лирика. Рассматривают только твой удар ногой! Признаваясь, ты не признаёшься, что ты был не прав тогда, а он прав! Нет! Признаваясь, ты соглашаешься, что ударил со злости эту грёбанную дверь! Так уж вышло, он подал заявление. Да, сделали вот такую оценку суммы ущерба. И свидетели есть, что на тебя указывают. Пойми, тебе не отвертеться! Система тебя в суд затащит по любому! Только от тебя зависит, в каком качестве ты в суд пойдешь, как будешь выглядеть перед судьёй! Как эти вонючие алкаши, с которыми мы постоянно тут дела имеем, или ты выделишься на их фоне и пойдешь как случайно оказавшийся в такой ситуации человек?!

Ты сам отец! Представь, в соседней комнате слышится звук разбитой вазы. Ты приходишь, а там твой сын стоит, глаза вылупил на осколки, моргает чаще обычного – не знает, что делать! Понимает, что ты будешь его ругать, начинает отпираться: «Это не я, папа, это не я!». Какая твоя реакция? Конечно, ты понимаешь, что это он. Его отрицание начина-

ет тебя только злить. Так? Он бы извинился и, может, ты бы его даже не поругал за эту вазу. Но в данной ситуации тебя выбесит его отрицание. Так и с тобой! Все понимают, что ты шарахнул ногой эту машину. И прокурор понимает! И судья поймёт.

Не бывает такого, чтоб конфликт был, двое свидетелей говорят на тебя, а ты невиновен. Перед судьёй ты будешь выглядеть как отпирающийся мальчик. Так ты только настроишь всех против себя. Да уже настроил! Больше года прошло! Прокурорские дело нам каждый раз возвращают. Ситуация так и висит, всех напрягает. И тебя! В каком качестве ты пойдёшь в суд, зависит от того, как мы распишем эту ситуацию сейчас. Или ты неуравновешенный псих, который не сдержался и упирается на ровном месте. Или ты доведённый до усталости порядочный гражданин, отработавший ночь. По пути споткнувшийся из-за накопившихся проблем, случайно совершивший проступок. Но вину признающий, в содеянном раскаивающийся и у всех просящий прощения! Получишь своё условное наказание, а то и вовсе штраф и всё! Понимаешь?

– Да понимаю я всё! – полилось с Десяткина как с опрокинутой двухсотлитровой бочки, – Старый козёл вечно так, поставит свою машину, что не проехать, не пройти. Постоянно что-то возит, что-то выгружает, Плюшкин хренов. У него весь двор завален всяким хламом. Я с ночной смены, мне жена звонит, что у ребёнка температура, нужно в боль-

ницу ехать. Я взял ребёнка, жену. Смотрелись в поликлинику. Едем домой, спать невероятно хочу! Подъезжаю, до дома чуть-чуть, а тут дед этот. На нём то я и сорвался! А он заявление накатал. Сумму ущерба эту ещё выдумали шесть тысяч! Да при аварии одна точка стоит четыре с половиной максимум, а тут шесть с лишним! Я и возмутился. Уголовное дело! Что из меня преступника то делают?! Конечно, я не хочу сознаваться и соглашаться со всем этим бредом!

– Вот! За рулём, уставший. Ещё и свозил в больницу своего ребёнка! Между прочим, из-за этого ты и был в расстроенных чувствах, – подбадривал дознаватель сознавшегося в совершении преступления Десяткина.

Десяткин прекрасно понимал, что дознаватель прав. Понимать понимал, но избежать ответственности по-прежнему хотел.

– Мне адвокат всё время говорит, что можно по примирению сторон дело закрыть, – уже обыкновенным тоном излагал мысли Десяткин.

– Кто твой адвокат?

– Тимофеев.

– Слышал о нём, но не встречался ещё. А старый, бесплатный, которого тебе Родина предоставила? Чем он тебе не понравился?

– Хлорин, что ли? Да он ничего не делал! Встретаться не хотел, занят вечно. Я обратился к платному.

– Ну, дело твоё...

– Может, Вы поговорите с ним? Вы же в юридических делах больше понимаете. Я с этим первый раз сталкиваюсь.

– С Тимофеевым? Конечно поговорим. Но, понимаешь, чтобы прекратить дело по примирению сторон, – начал доверительно произносить дознаватель, – Ты должен признавать свою вину и раскаиваться в содеянном. Возместить ущерб потерпевшему. А из твоих показаний, данных ранее, ещё когда дело было у другого дознавателя, следует, что ты вину не признаёшь категорически.

– Да я готов признать, хрен с ним, лишь бы дело прекратить, – начал обещать Десяткин.

– Это хорошо, только тут есть небольшой риск. Прокуратура потом будет решать прекратить это дело по примирению сторон или нет. Да и потерпевший должен быть на это согласен, понимаешь?

– Да я поговорю с дедом, всё возьму...

– Алексей Борисович, мне нужно обсудить это с начальством. Покури пока тут.

Это был прорыв в деле. Десяткин решился признать свою вину. Это хорошо и справедливо. Но в его понимании он сознавался не потому, что раскаялся. А для того, чтобы прекратить уголовное дело. А на это никто никогда при таких условиях не пойдёт. Не из-за того, что просто жалко столько труда прекратить – это в том числе. А из-за того, что примирение, даже в человеческом понимании – это когда совершил проступок, но тут же извиняешься, хочешь исправить соде-

янное, загладить свою вину, возместить ущерб. И потерпевший это видит. Только при таких обстоятельствах, да на начальном этапе расследования, есть возможность прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон. Но на практике на такое редко когда идут правоохранители.

Это для правонарушителя здорово – напиться, например, набедокурить, показать своё истинное нутро, когда, что называется, понесло. А окружающим он доставляет массу проблем. Когда человек адекватный, то при совершении случайного злодеяния, он сразу же, в этот же момент будет просить прощения, предлагать возместить ущерб. Потерпевший увидит раскаяние и тогда до милиции дело даже не дойдёт! Люди между собой без участия государства примирятся, да и всё. А когда и если дело дошло до разбирательства в милиции, значит, стороны не смогли самостоятельно уладить конфликт в полной мере. Поэтому без всякого зазрения совести в правоохранительной системе отсутствует практика по прекращению уголовных дел за примирением сторон. И Габоронов, естественно, Десяткину это сказать не мог.

В данном случае Десяткин изначально вёл себя дерзко во время совершения преступления. Ещё и отказывался в этом признаваться, а значит, не испытывал никакой вины. Будет ли это искренним примирением с потерпевшим? Увидит ли заявитель покаяние в действиях преступника? Нет. Для Десяткина такое раскаянье – лишь попытка уйти от судимости. Все это понимают.

И возвращаясь к вопросу о проделанной работе. После совершения преступления состоялось оформление данного материала, сбор доказательств, опросы свидетелей, установление суммы ущерба, возбуждение уголовного дела, допросы потерпевшего, свидетелей, подозреваемого. Пятый месяц дознания! Ради чего? Чтобы Десяткина теперь примирить и отпустить? Лишь потому, что он до этого созрел? А точнее, лишь потому, что адвокат ему так советует? Нет. Такого надо привлекать к ответственности!

Габоронов оставил Десяткина на балконе, прошёл через свой кабинет, вышел в коридор. Постучался в дверь с табличкой «НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ДОЗНАНИЯ». Не дожидаясь ответа, Габоронов залетел в кабинет радостный.

– Ольга Юрьевна, он хочет дело прекратить в связи с примирением сторон!

– Прекрасненько! Пускай сознаётся и идёт в суд, сволочь.

– Я ему так и сказал, он должен сначала признаться, а потом прокуратура будет решать прекратить дело или нет.

– Правильно. Кто у него адвокат? Наш же, Хлорин?

– Нет, он похоже платника нанял, Тимофеев что ли.

– Есть такой.

– Реально защищает?

– По большому счёту нет. Перед клиентами показывает, что отработывает свой хлеб, а на самом деле ему плевать.

– Что дальше делаем, Ольга Юрьевна?

– Тут надо действовать быстро, пока он не передумал. Зо-

ви его адвоката. Десяткин письменно отказывается от Хлорина и берёт Тимофеева. Дополнительно допрашиваешь подозреваемого в присутствии его адвоката, где он признаёт вину. Делаешь проверку показаний на месте. Допрашиваешь понятых с выводами. Допрашиваешь в качестве свидетеля жену Десяткина. Пусть показывает: «Со слов мужа мне стало известно, что Десяткин ударил дверь автомобиля. Возбудили уголовное дело». Пусть косвенным свидетелем будет. Ему скажешь, что её надо допросить для характеризующего. Делаешь очную ставку с потерпевшим, в которой он признаётся в содеянном и пообещает возместить ущерб. Они пишут ходатайства о прекращении дела. А мы им отказываем. Составляешь обвинительный акт и всё – в суд! Пока он согласен, работай с ним Габоронов. Такой, как Десяткин, потом может передумать и снова упираться.

– Ага, понял, Ольга Юрьевна!

– Сейчас бери его и езжайте делать проверку показаний на месте. Пофоткай его, пусть покажет, как бил по машине, – видя, как лицо Габоронова становится напряжённым, решила сказать и радостные слова, – И иди спать. Остальное завтра. Давай, Габоронов, чтоб он ещё раз не соскочил! Что у тебя по остальным делам?

– Кларкин с яйцами практически готов. Осталось кое-что доделать с ним. Обвинительный набрать и всё. Но он пропал, скотина бешенная! Апрешумян практически готов, но ещё характеристику участковые никак не принесут. Вот Де-

сяткина надеюсь закончить до конца месяца.

– Это три. Ещё два дела?

– Снегенов тоже абонент не абонент. Паспарту хренов! Так и не выходит на связь, скотина. Операм говорил, но пока безуспешно. А по нему, в принципе тоже всё готово. Свидетеля одного допросить и всё. И Придворов остаётся. Он тоже пока не пришёл. Честно говоря, я его ещё и не вызывал, но, судя по объяснению он в полной сознanke. Характеризирующий на него пришёл.

– По Кларкину с Придворовым участковым скажу, чтоб их привели. У Апрешумяна характеристика? Принесут. Снегенов? Ерёмова попрошу, чтоб опера поторопил. Давай, Габоронов, пять дел нужно закончить, конец месяца. Иди работай с Десяткиным, пока он не передумал.

Не смотря на своё святое право поспать после суточного дежурства, Габоронов сам был настроен закрепить утреннюю победу, поэтому прекрасно понимал: пока Десяткин согласился, надо делать.

Выйдя на балкон, где курил Десяткин, дознаватель к нему присоединился.

– Давай пробовать Алексей Борисович. Начальство сказало, что сейчас допрашиваемся с твоим адвокатом. Ты признаёшь вину и очень раскаиваешься в содеянном. В деле о примирении без потерпевшего никак. Поэтому сегодня допрашиваемся, едем на место, делаем проверку показаний на месте, фоткаемся там, чтоб прокурорские видели, что ты со-

трудничаешь со следствием. Искренне, действительно раскаиваешься. После чего ты отправляешься к потерпевшему и реально просишь у него прощения. Договариваешься на примирение. Сообщаешь мне, что он согласен. Мы проводим очную ставку, то есть его показания, твои показания, в процессе которых ты снова вину признаешь и просишь прекратить дело. Потерпевший подтверждает, что согласен на примирение прямо на очняке. После этого вы пишете ходатайства о прекращении. Я с этим всем иду в прокуратуру, и если они разрешат, мы дело прекращаем. Повторюсь, есть риск. Но, чтоб ты понимал, мы сделаем всё, чтобы дело прекратить. А за прокурорских мы не отвечаем. Сам понимаешь, это наш надзорный орган. Но мы постараемся. Понял?

– Да, я всё понял, – звучал всё тот же нормальный тон человека, у которого появилась надежда на разрешения конфликта без последствий.

– Звони адвокату, пусть подъезжает, будем начинать. А я пойду пока документы подготовлю.

Габоронов оставил Десяткина на балконе. Сам присел за свой рабочий стол понимая, что завязывается с данным гражданином надолго. «Понятых ещё надо найти, – не радостно подумал Габоронов, – Это нужно будет их позвать на выводку, потом чтоб пришли в кабинет, допросились, потом в суд, возможно, явились. Тут только своих надо. Когда адвокат этот ещё приедет? Надо всех состыковать».

Коллеги Габоронова ушли на планёрку. Поскольку стар-

ший лейтенант уже занимался жуликом, да ещё и будучи с ночной смены, он официально был избавлен от «отчёта и наставлений» по делам текущим.

– Сергей... – выдалась пауза, было очевидно, что Десяткин не помнит отчество Габоронова.

– Владимирович, но можно просто Сергей, – дал понять Габоронов, что лучше к нему обращаться по имени, чтоб не возникало между ними границ, – Говори, что с адвокатом?

– Он просит с Вами переговорить по телефону, – протянул аппарат Десяткин, стоя в проёме между кабинетом и балконом.

– Ну, давай, переговорим, – неохотно взял трубку Габоронов.

Разговаривать с собеседником лицом к лицу всегда лучше. Его замыслы понятнее. А по голосу труднее ориентироваться о истинных намерениях человека и представлять с кем имеешь дело.

– Доброе утро! Вас беспокоит защитник подозреваемого Десяткина – Тимофеев Михаил Олегович, – презентабельно произнёс доброжелательный голос.

– Здравствуйте, но в материалах дела отсутствует Ваш ордер⁴. А это значит у подозреваемого Десяткина другой адвокат, – Габоронов сходу обрубил хорошие отношения, начав

⁴ Документ, утверждённой формы, который выдаёт адвокат, подтверждая представление интересов гражданина. Пока в деле его нет, формально он не является защитником

давить формализмом.

Дознаватели не любят платных адвокатов. По определению они находятся по разные стороны. Расследование уголовного дела – это, по мимо всего прочего, соблюдение чётко прописанных процессуальных норм. По закону нельзя в принципе разговаривать с подозреваемым по делу без защитника, что Габоронов уже сделал. Пусть и без государственного защитника Хлорина, которому действительно всё равно. Но о нём позже.

Когда в уголовном деле всё хорошо: жулик раскаивается, вину признаёт, то оформлять всё гораздо проще. Проще для всех. Можно за один день, например, отработать потерпевшего. Сразу после допроса дать бумажечку об ознакомлении с материалами уголовного дела. Он распишется без проставления даты. Когда этот день подойдёт, к концу расследования, дознаватель проставит её. Якобы потерпевший только что приходил и пролистал уголовное дело. Всем это выгодно. Потерпевшему не надо тащиться ещё раз в милицию. Дознавателю не выбирать время, не ждать, когда придёт заявитель, а спокойно «шить» дело.

С жуликом практически та же история. По закону каждый раз нужно вызывать подозреваемого с защитником. Подписывать всё в точные даты. Разъяснять все права и обязанности. Знакомить со всеми материалами уголовного дела. Избирать меру пресечения каждые десять дней. Отменять её. Снова избирать. Так уж положено. В уголовном деле, как

правило, около ста пятидесяти листов! Если такое, как это, с упирающимся подозреваемым – около двухсот пятидесяти. Каждый документ что-то да значит. На каждом должны быть подписи, даты ознакомления и прочее.

Когда адвокат платный, он начинает показывать подозреваемому, что активно участвует в его деле. Хотя по факту только обязывает делать всё по правилам. Конечно, все бы рады были делать всё по букве закона. Но кто даёт на это время? От исполнения правил расследование лишь затягивается, а суть не меняется. А если начать такую волокиту, то количество расследованных дел уменьшится, а значит, возрастёт число не раскрытых. Это приведёт к уводу от ответственности даже раскаивающихся и готовых пойти в суд. Кому тогда от исполнения инструкций станет хорошо?

Габоронов, по крайней мере, так считает: есть цель – нужно достичь конечного результата всеми возможными вариантами, без лирики.

– Это безусловно, простите, как Вас по имени-отчеству? – продолжил вежливый голос защитника.

– Сергей Владимирович Габоронов, дознаватель, старший лейтенант милиции, – серьёзно представился милиционер, который только что жулику позволял обращаться к себе просто по имени.

– Сергей Владимирович, очень приятно. Конечно, Вы правы, ордер я пока не предоставил, но мы просто ждали вызова к Вам. Я предъявлю его при первой же возможности.

– Хорошо, – успокоился старший лейтенант, судя по голосу адвокат не был настроен качать права по каждому поводу, – Когда Вы сможете подъехать, Михаил Олегович?

– Да, об этом... Скажите, пожалуйста, а Десяткин около Вас? Он слышит наш разговор?

– Я Вас понял, – Габоронов быстренько встал и перешёл на балкон, оставив в кабинете подозреваемого. Уголовное дело он автоматически, по привычке, взял с собой, чтобы жулик его не уничтожил, – Да, я Вас слушаю...

– Дело в том, что Десяткин мне уже порядком надоел. Я давно отработал свой гонорар, а он всё время просит встреч, ищет способы решения данного уголовного дела. Я ему и подсказал, что можно примириться с потерпевшим и попробовать прекратить уголовное дело. Конечно, я понимаю, что фактически это будет тяжело, но это какой-то выход из сложившейся ситуации, путь к завершению данной истории. Понимаете?

– Прекрасно понимаю, ещё тот тип, если честно. Пенсионера обидел, а сейчас упирается.

– Да, совершенно, верно. И всё-таки, я бы со своим подзащитным настаивал на прекращении дела.

– Только для этого ему надо признаться в совершении, примириться с потерпевшим, так?

– Примиримся, безусловно примиримся, – также доброжелательно вещал адвокат Тимофеев.

– Когда Вы сможете подъехать? Нам надо допроситься,

сделать выводку за сегодня.

– Сегодня? А Вы хотите закрепить в его признаниях? Понимаю. Хоть и главное в прекращении по примирении – это загладить причинённый вред...

– Да, но причинённый! А для этого нужно согласиться, что он его причинил! – Габоронов почувствовал в реплике защитника Тимофеева всё ту же попытку соскочить с ответственности.

Адвокат, что свойственно им всем, интерпретировал закон в выгодную ему сторону. В этом большое отличие от теоретической части законодательства и практической. Такое происходит благодаря всему великолепию, разнообразию и богатству русского языка. Защитник Тимофеев в указанной норме о примирении для подзащитного увидел главное – это возмещение ущерба. Но позвольте, теперь можно подойти к человеку, зарядить пощёчину, кинуть ему в рожу тысячу рублей, которая должна убрать красноту щеки с обалдевшего потерпевшего и всё, примирился? Нет. Государственная правоохранительная система видит эту норму по-другому: признайся, раскайся, а потом уж загладь вину.

Такая трактовка законодательства адвокатами, идущая в разрез с повседневным милицейским станком, – это ещё один повод иметь постоянные разногласия с защитниками. Поэтому Габоронов, услышав такую попытку Тимофеева увести разговор в сторону договорённостей с потерпевшим, а не в сторону раскаяния, пришёл вновь в себя. Поскольку

из-за первоначальной доброжелательности Тимофеева, дознаватель немного заблудился, что они делают одно дело.

– Не, не, не, Михаил Олегович! У нас по плану дополнительный допрос, признание, проверка показаний на месте, потом очная ставка с потерпевшим, а затем уже ходатайства от Вас о примирении! – настаивал именно на таком порядке дознания старший лейтенант.

– Хорошо, хорошо, конечно, – начал снова доброжелательно стелить защитник Тимофеев, – Мы не против! Только у меня одна просьба: я не рассчитывал на проведение следственных действий сегодня. У меня суд с утра по другому делу. Если нет возможности перенести...

– Нет! – категорично заявил дознаватель, хотя адвокат похоже произносил эту фразу именно в ключе того, что и не надеялся на перенос встречи.

– Я так и предполагал, – нисколько не показал голосом свою обиду на то, что был перебит, а также по-доброму продолжил, – Позвольте я сегодня не приду, а Вы без меня всё сделаете, а я потом подпишу... У меня совершенно нет на него времени, я консультировал Десяткина уже раз пять. Вы когда планируете дело в суд направлять? Мне бы сделать всё за одну встречу...

– В этом месяце! – чуть не вырвалась радость Габоронова от того, что адвокат показал свой интерес на разовую встречу, что означало отсутствие препятствий по делу со стороны защитника, – Я Вас понял, Михаил Олегович. Переговорите

тогда с Десяткиным, чтоб он не переживал, что без Вас начнём. И продиктуйте, пожалуйста, номер ордера, чтоб вписать его сейчас в протокол, а при встрече вложим его в дело.

– Да, безусловно, записывайте...

Габоронов незаметно, спокойно выдохнул. Со всеми были достигнуты договорённости. Осталось всего лишь воплотить всё это в жизнь!

Глава 4. Возбуждайся быстрее!

На часах было уже начало одиннадцатого всё того же пятничного дня. Становилось жарче. Милицейский китель очень хотелось снять. Но по тем же причинам, из-за нарушения формы одежды, Габоронов этого не делал.

– Ну что, Алексей Борисович, переговоры с адвокатом? Что он сказал? – обратился к вернувшемуся в кабинет Десяткину, который также уходил на балкон перекурить и переговорить с защитником Тимофеевым.

– Сказал что сегодня пройдёт допрос и показания на месте. Потом нужно договариваться с соседом, и будем выходить на примирение...

– Совершенно верно. Единственно, он в своём плотном графике не сможет найти время, чтоб быть всё это время с нами. Поэтому мы начнём без него, а в следующий раз он уже распишется, где надо. В принципе, стратегия выработана, понятна и известна. Сейчас мы Вас опишем в лучшем виде, чтоб предстали перед прокуратурой порядочным гражданином. У Вас же ребёнок есть? Свидетельство о рождении с собой? – в этом случае дознаватель местами переходил на уважительное Вы, чтобы завуалировать тот факт, что подозреваемый будет учувствовать в проведении процессуальных действий без присутствия адвоката, которому заплатил деньги.

– Нет, но я принесу...

– Да, да, конечно. Смотри, на работе возьми обязательно характеристику положительную. Начальнику скажи, не знаю, придумай что-нибудь, что по месту работы жены попросили, что угодно. Если не хочешь на работе обо всем этом сообщать...

– Понял, – соглашался со всем Десяткин.

– Всё положим в дело, чтоб твой характеризующий материал был исключительно положительным. Ребёнок, работа. По месту жительства характеристику возьми, тоже хорошую. Потому что я могу участковых попросить её истребовать, но может пойти что-то не так, возьмут ещё посредственную. Жену твою допросим, чтоб охарактеризовала тебя с положительной стороны. Подтвердит, что ты не какой-нибудь семейный тиран, а нормальный семьянин...

– Хорошо.

– В общем, я сейчас напечатаю показания, пройдемся по ним ещё раз и поедем на место происшествия. Можешь пока покурить на балконе, я позову, – Габоронов попытался избавиться от Десяткина, чтоб тот не стоял над душой, пока дознаватель будет печатать его же показания.

В уголовном деле надо, чтобы всё сошлось! Не было никаких разногласий в показаниях. То есть описать всё так, чтобы у всех участвующих лиц в деле было одно и тоже видение произошедшего. Однако спросите пять человек об одном и том же событии – получите пять разных рассказов!

Исходя из этого, в дознании, как правило приходится делать следующим образом: поскольку первоначально о преступлении заявляет потерпевший, его допрашивают первым. Он в подробностях рассказывает, как был притеснён со стороны жулика. Затем вызывают свидетелей, выслушивают, читают их первоначальные объяснения, взятые участковыми уполномоченными или оперативниками. Вылезают первые нестыковки. И показания свидетелей подстраиваются под показания потерпевшего. Время, место, сторона парковки машины, откуда подошёл, кто был повёрнут, кто наклонился – всё должно сойтись. А потом приглашается подозреваемый, который если сотрудничает со следствием, то соглашается с версией потерпевшего. В противном случае ему разъясняется, что иметь свою точку зрения по данному факту и упираться в неё не стоит. Так, он лишь настроит против себя следствие. А прокуратурой и судом такое будет воспринято, как попытка уйти от ответственности.

Если заявитель, например, говорит, что ему нанесли три удара по лицу, то жулик, сотрудничая со следствием, не может в последствии скромничать, утверждая, что ему хватило и одного удара, чтоб челюсть потерпевшего хрустнула. Хотя в действительности, скорее всего, ударов было два. Заявитель от страха преувеличил, нападавший от боязни тюрьмы – приуменьшил. А суть в том, что челюсть сломана. И тут надо свести видения одного и того же воедино. Иначе нужно собирать всех участников вместе в кабинете дозна-

ния и проводить очную ставку. Это когда потерпевший говорит, что ему нанесли три удара, находясь напротив подозреваемого с защитником. По последующей после этого реакции жулика окружающим становится понятно, что заявитель преувеличивает. Либо у злодея гаснут глаза, поскольку при всех врать становится сложнее, и он соглашается, что действительно бил больше, чем один раз. В данном случае – два. Тогда и потерпевшему некуда деваться. Начинаются такие слова, как: «ну не помню, может и два. Всё быстро произошло, мог напутать...» Вот почему в споре рождается истина. Только на спор нужно позвать арбитров.

Конечно, иногда кто-то да упрётся, несмотря ни на что. Никакие психологические приёмы не помогут. Есть люди, которые выдержат и пытки, не говоря уже о лицемерии ради манипуляции. Тогда того, кто гибче, будут подстраивать под консенсус.

Габоронов начал набирать на клавиатуре заявление от имени Десяткина следующего содержания: «На данном этапе дознания по уголовному делу № 648934 мои интересы представляет защитник Хлорин Р.Г. От услуг данного адвоката отказываюсь. Далее мои интересы по данному уголовному делу будет предоставлять адвокат Тимофеев М.О.». Распечатал. Отложил в сторону, чтоб Десяткин потом подписал.

«Понятых же надо», – подумал Сергей.

– Алло, Юра, привет! Что делаешь? Помощь твоя очень нужна, – начал Сергей, сразу дав понять, что звонок к другу

по делу.

– Да так, дела обычные. Чем могу помочь? Что надо сделать? – выразил сразу готовность друг, хотя у самого дел всегда было много. Он занимался организацией свадеб.

– Понимаешь, Родина в опасности. Есть один гад, который отпирался от злодейства. В итоге он пошёл на сознанку. И нужно выводку ему сделать: на местность выехать, где всё случилось. Мне понятые нужны. Просто потом нужно будет допросить по этому поводу. Помоги, пожалуйста! А то реальных сейчас искать не вариант.

– Ну, в принципе, я готов, а куда подъехать? На долго это всё, чтоб мне знать заранее? Просто сегодня пятница, завтра свадьба, сам понимаешь...

– Подъехать в кабинет, а потом в Советский район поедем. Всё вместе, надеюсь, займет чуть больше часа! Пока ты до сюда доберёшься...

– Ну ладно, сейчас подъеду.

– И ещё одно, Юра, брат, ты с кем сейчас? Есть у тебя на примете ещё кто-нибудь из гражданских? Мне двоих понятых надо! – заулыбался Габоронов, прося друга ради обеспечения процессуальных действий в уголовном деле.

– Кого-нибудь? А Светка подойдёт?

– Подойдет, подойдёт. У Вас же фамилии разные? – это была гражданская жена Юрия. Сам Юрка, занимаясь организацией свадеб, в зарегистрированном браке не состоял.

– Да, разные! Я как раз к твоему случаю и готовился! А то

сейчас бы искали второго понятого, согласишься я тогда пойти в ЗАГС, – в трубке послышались возмущения его сожительницы.

– Спасибо большое, брат, жду! – обрадовался Габоронов. Одной проблемой за сегодняшнее утро стало меньше.

Дознаватель, скопировав предыдущий протокол допроса, начал его заполнять по-новому. К слову «протокол» добавил «дополнительный», поменял дату, время, адвоката. Прошёл-ся по каждой строчке, чтобы не было опечаток, ошибок. На данном этапе множество его коллег «погорели».

Уголовное дело в чистом виде – это должно быть проверенное строгим редактором читиво. Со всеми запятыми, красивыми и правильными словоборотами, без разногласий в написанном. Если в начале повествования уголовного дела главного «героя» будут звать Николай, а где-то в середине он станет Василием, то хорошего ничего не жди.

Все протоколы допросов берутся с предыдущих дел. Копировать-вставить. Меняются даты, фамилии, данные и вновь заполняются новыми описаниями преступлений. Однако в этих документах есть места, которые заполняются формально. Например, как в предыдущем протоколе допроса потерпевшего Шавко. В строке: «Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств» заполняется «персональный компьютер, принтер дознавателем Рогачёвой Т.М.». Если взять у коллеги дан-

ный протокол допроса и заполнять его под себя, то эту строчку можно запросто пропустить по невнимательности.

Когда проводится реальный допрос, обстановка царит напряжённая. Подозреваемый с адвокатом следят за каждым движением руки дознавателя: как он щёлкает компьютерной мышкой, что-то печатает, смотрит всё время в монитор, при этом молчит. А сотрудник милиции пытается пробежаться по всем строчкам протокола, исправить данные, при этом держа в голове, что надо не забыть в показаниях подозреваемого указать нужные дознанию слова, такие как: «да, я разозлился и ударил», а не просто «ну, случайно задел». Совокупность всего требует хорошей концентрации. Надо же ещё показать, что дознаватель уверен в себе, своих знаниях, действиях. Жулику будет смешно наблюдать, как милиционер с красным лицом от волнения будет спрашивать постоянно у старших коллег: «А как тут написать? А как это сделать в случае, если...?».

В итоге практически всегда в уголовном деле после производства следственных действий остаются ошибки. Такие опечатки как: фамилия с предыдущего преступления, его номер, дата – частые «подставщики». Ошибки, конечно, формальные, но имеющие юридические последствия. «Что? Рогачева применяла компьютер и принтер, а не Габоронов? Так, кто допрашивал?».

Чтоб исправить такие погрешности, нужно потом при их обнаружении, звать вновь всех участников и говорить, что:

«не грамотен, простите, вот тут исправил, распишитесь, пожалуйста, ещё раз». И вот здесь зачастую, дознавателю приходится изгаляться. Но об этом позже. А пока Габоронов проверял каждую строчку с предыдущего допроса подозреваемого, стараясь при таких условиях, с платным адвокатом, не допустить ошибок и опечаток.

В итоге, ещё через полчаса Габоронов зачитывал Десяткину его же показания, которые подозреваемый слышал в первый раз. Габоронов взял их из показаний потерпевшего Шавко.

Десяткин со всем согласился, всё подтвердил. Только на месте, где: «не выходя из автомобиля, я стал кричать ему: „убери свою машину, мне нужно проехать“ начал сей факт категорически отрицать. Утверждал, что не кричал, а „нормально“ попросил».

Место «я схватил за его куртку двумя руками. При этом Шавко В.А. облокотился на свою автомашину правым боком и придерживался правой рукой, чтоб не упасть. Тогда я начал тащить его на себя, высказывая нецензурную брань» так же подозреваемому резало слух. Он утверждал, что особо не матерился, выскочило, может какое нецензурное словечко, а так, чтобы выражаться... И за куртку не так уж сильно и хватал... Так, подержал немножко...

Габоронов вновь провёл беседу с Десяткиным, рассказав, что если потерпевший указывает так, то так тому и быть. Отрицать данные факты – только вредить себе, вступать на тро-

пу непризнания, нераскаяния, а значит вряд ли о прекращении дела может пойти речь. Подозреваемый Десяткин протокол дополнительного допроса подписал, в котором было указано, что: «не сдержался и со злости ударил правой ногой по конверту левой задней двери автомобиля „ВАЗ-21099“». Это была ключевая фраза в показаниях. Имел умысел (разозлился) и совершил действие (нанёс удар). Если в показаниях было бы: «Проходил мимо, споткнулся, начал падать и автоматически выставил руку вперёд, а там оказалась дверь машины, которая помялась», то умысла и действия, направленного на повреждение имущества, не было. Всем спасибо. Все свободны.

После подписания подозреваемым признательных показаний Габоронов мысленно надеялся, что просьба защитника о его отсутствии при таком моменте не выйдет ему боком. Дознаватель шёл на нарушение закона, чтобы отправить дело в суд в установленные сроки. Поскольку адвокат должен был быть сейчас с подозреваемым и также подписывать данное признание. Адвокатского ордера вообще в деле не было. По сути, если Десяткин завтра передумает, то Габоронову нужно будет уничтожить данный протокол и забыть о признательных показаниях. Не говоря уже о том, если в кабинет ворвутся какие-нибудь органы и не раздуют из данного факта какую-нибудь фальсификацию, превышение должностных полномочий или мошенничество. Единственно, вся нажива, которую получал сейчас дознаватель, совершая сам

преступление – это простое выполнение своей работы...

Звонок сотового телефона продолжил доброе утро Габоронова.

– Алло, Серёга, привет! – звучал серьёзный голос участкового уполномоченного Хартикова.

– Да, Игорь Васильевич, привет! – ответил дознаватель, параллельно указывая Десяткину, где ещё нужно расписаться в протоколе дополнительного допроса.

– Я взял характеристику на Апрешумяна, ты у себя?

– Да, у себя, товарищ майор, только скоро уеду на выводку. Оставишь тогда у меня на столе её, ладно? – дознаватель вновь убедился, что давать поручения участковым или оперуполномоченным через начальника продуктивнее.

Стоило только Ольге Юрьевне позвонить их начальнику, характеристика сразу появилась. Но это лишь так же вопрос о загруженности участковых. Задач от начальства всегда много, просто приоритетность меняется на ходу. «Стой там – иди сюда. Это брось – возьми немедленно».

– Всё, сейчас я составлю протокол проверки показаний на месте, – дознаватель Габоронов сообщил подозреваемому Десяткину, – И поедем. А там окажетесь в своём переулке и сразу сможете пойти к Шавко, договариваться о примирении.

– Хорошо, – покорно ожидал Десяткин.

На часах уже было одиннадцать, когда в кабинет постучались и дверь приоткрылась.

– Здравствуйте, а Габоронов на месте? – задал риторический вопрос вошедший в кабинет гражданин. Про цепкого дознавателя у двери он прекрасно знал. Если не сказать сразу, к кому пришёл, она всё равно на лету остановит и выяснит.

– На месте! Серёжа, к тебе! – сообщила лейтенант Третьякова. Как обычно, на ровном месте оказавшаяся там, где без неё прекрасно бы обошлись.

– Здравствуйте! – ещё раз поздоровался друг Габоронова, которого он позвал в качестве понятого.

– Здравствуйте! – поприветствовал серьёзно дознаватель Юру с его спутницей Светой, далее обратился к Десяткину – Вот, это понятые, они съездят с нами.

– Хорошо, – ничего против не имел подозреваемый.

– Можем, конечно, в Вашем переулке поискать, – специально предложил старший лейтенант, дав понять, что тогда состоится представление, в котором соседи всего переулка будут участвовать.

Если промолчать, то спустя какое-то время у Десяткина могут закрасться такие мысли, как: «Вот менты дело шьют, понятые какие-то свои. Все они заодно». А так будет: «Слава богу, понятые не с моего переулка. А то было бы как в криминальной передаче: милиция, куча соседей, я показываю, как совершил преступление, меня фотографируют...».

– Не, не, зачем соседей? И так все в курсе, цирк опять получится, – одобрил понятых Десяткин.

– Вот и я так подумал, – улыбнулся Габоронов, – Мне нужно ещё минут десять – протокол набрать. Покурите пока, пожалуйста...

К этому времени в кабинет дознания пришли ещё какие-то люди к коллегам. В помещении образовался небольшой гул. Старый оконный кондиционер не справлялся абсолютно. Габоронов уже чувствовал, как думается не так легко. Глаза уже начинало резать от усталости, ноги горели в туфлях, чувствовался собственный запах пота. Но все были в сборе и ждали только его.

Было начало двенадцатого, когда Габоронов позвал трёх участников данного процесса и начал объяснять, что происходит, чтобы у всех было правильное представление, последовательность и смысл происходящего:

«В общем, мы с Вами сегодня собрались здесь, чтобы проверить показания на месте гражданина Десяткина Алексея Борисовича. Вот он. Он совершил преступление по части первой статьи сто шестьдесят седьмой УК РФ – это умышленное повреждение чужого имущества. Сегодня он решил в содеянном раскаяться и показать, как это произошло аж пятого мая две тысячи девятого года. Для этого я вышел на улицу, Вы проходили мимо отдела милиции. Я остановил Вас, представился и пригласил поучаствовать в одном мероприятии в качестве понятых. Вы любезно, как сознательные граждане нашего государства, согласились. Вот они – Видницкий Юрий Васильевич и Пшеничникова Светлана Вик-

торовна. Начали мы проверку показаний здесь, сегодня, двадцатого августа две тысячи десятого года, в помещении данного кабинета».

Понятыми не могут быть лица заинтересованные. Друзья таковыми являются. Поэтому официально делается вид, что понятые случайные.

Затем Габоронов зачитал сами показания, изложенные в указанном протоколе, суть которых начиналась со слов: «Десяткин А.Б. заявил, что показания давать желает, при этом желает добровольно на месте совершенного им преступления рассказать и показать обстоятельства его совершения, а именно о том, как...».

Так же окружающие услышали описание самого момента преступления: «После того, как Шавко В.А., оказался спиной ко мне, неся в очередной раз мешок, я, находясь около его машины, из-за отказа Шавко В.А. отогнать её, лишив, соответственно меня возможности проехать дальше, не сдержался и со злости ударил правой ногой по конверту левой задней двери автомобиля „ВАЗ-21099“, государственный регистрационный знак У539АМ100, принадлежащего Шавко В.А.».

И заканчивался указанный протокол таким словами, как: «В связи с чем показания данные Десяткиным А.Б., изложенные в протоколе его дополнительного допроса от 20.08.2010 г., полностью совпали с установленными обстоятельствами совершенного преступления. По окончании

следственного действия все участники вернулись в служебный кабинет № 10 ОД ОВД по Кирпиченскому району, где был составлен настоящий протокол».

– Всем всё понятно? – обратился к понятым и подозреваемому дознаватель.

– Да, – ответили участвующие в процессуальных действиях лица.

– Единственный момент, товарищи. Мы сейчас распечатаем протокол, поедем на место, быстро фотографируемся, набегом, чтоб соседи опомниться не успели, подписываем протокол на месте, но помните, что мы, якобы, вернулись в кабинет, составили его и только потом расписались, хорошо? Иначе его надо составлять на месте и от руки.

– Конечно, – никто не был против сэкономить своё время.

– Отлично. И ещё одно. Сейчас здесь, рядом с нами находится адвокат, защитник подозреваемого Десяткина – Тимофеев Михаил Олегович, вот он, – дознаватель указал на пустое место около своего стола.

Первые секунды у всех было недоумение в глазах от неожиданности поворота, с воображаемыми адвокатами пока ещё никто не встречался. Но дознаватель быстро объяснил понятым и подозреваемому:

– По закону с нами должен быть адвокат. Но он отправился, с позволения Алексея Борисовича, по другому делу, – Габоронов придавал значительности Десяткину перед понятыми, – Но если кто-нибудь когда-нибудь спросит, сколько

людей принимало в этом участие, мы говорим, как есть: До-знаватель, подозреваемый с адвокатом и два понятых. Дого-ворились?

– Да, конечно, – все согласились принять участие в данной афере. Хотя вновь нарушение закона было лишь для того, чтобы побыстрее закончить расследование данного уголовного дела, в ходе которого постоянно требуется совершать такие надругательства над порядком.

И свои понятые отчасти были именно для этого.

Во-первых, трудно представить двух прохожих с паспортами, которые шли себе куда-то по делам, а тут по предложению милиционера готовы проехать в другой район города, поучаствовать понятыми, потом вернуться обратно и в следующий раз прийти на допрос в качестве свидетеля. А возможно, потом ещё и в суд.

Во-вторых, в случае отказа жулика от договорённостей и заявления, что фактически его право на защиту было нарушено и адвокат не присутствовал, было возможно два варианта. Если адвокат действительно потом подпишет данный протокол, как и обещал, то свои понятые и даже сам адвокат подтвердит, что они были все вместе, когда он давал показания. Если же и адвокат обманет, то свои понятые подтвердят, что вообще ничего такого не было и они не в какой фальсификации с воображаемым адвокатом не участвовали.

Но это всё в теории. Дойди дело до разбирательства, кто кого сдаст первым – вопрос небольшой. Но со свои-

ми понятыми просто спокойней работать дознавателю. Хоть какой-то шанс на поддержку, чем совсем с незнакомыми людьми с улицы. Снова нарушение закона ради выполнения своей работы и привлечения подозреваемого к ответственности.

– Тогда поехали! Вы на машине? – обратился Габоронов к Десяткину.

– Да.

– Ну езжайте на место, мы с понятыми на своей. Как поедem? – обратился Габоронов к другу Юре.

– Хочешь, на моей сгоняем. Быстрее будет, чем каждый на своей. Потом мы тебя сюда вернём, – предложил Юрий Видницкий.

– Не, обратно меня не надо, я потом сразу домой. Я с дежурства сегодня. Хотя, давай на твоей! Когда я ещё на «Фольксваген Таурег» прокачусь?

– Давай с нами. Хоть по болтаем, а то давно не виделись.

В комфортном зарубежном автомобиле, в котором даже пахнет богатством, после обсуждения личных новостей, которых не оказалось только у Габоронова, речь как-то зашла о данной ситуации.

– Это он просто дверь помял, что ли, правильно я понимаю? – поинтересовался о причине такого переполоха Юра. Светлана тоже слушала, ей было интересно.

– Да, ещё в том году. Долбанул соседу по двери ногой, ремонта почти на шесть с половиной тыщ.

– Обалдеть. И за такое сажают?

– Нет, конечно. Должны дать ему условно. Но, скорее всего, штраф тысяч двадцать по данной статье заплатит и всё.

– Из-за штрафа столько дел? – Юрий имел в виду временные затраты и само оформление.

– Да. Это Дознание, тут такие вещи расследуются. Ну не отпускать же его за это? Такими преступлениями я и занимаюсь.

– Просто как-то не вяжется у меня, – искренне недоумевал гражданский человек, – Я всегда считал преступления – это убийства, кражи какие-нибудь, пырнули там ножом кого-то, избили сильно, а тут целое уголовное дело из-за такого...

– Да, тут вроде мелочь, но попробуй ещё эту мелочь докажи и в суд направь.

– Ужас. Никогда бы не подумал, что за такое столько сделать надо.

– Так мало сделать! Мне самому практически на каждом деле приходится что-то да подстраивать, подтасовывать, нарушать в общем, что ещё самого посадить могут.

– Ты имеешь в виду про воображаемого адвоката?

– Да, конечно. Я почему к тебе и обратился. Случись чего, чтоб вы потом хоть подтвердили, что так и было, или наоборот, что такого не было! Как пойдёт! Может, придётся потом отрицать наше знакомство! Хотя мы ничего такого не совершаем, – тут же стал утешать Габоронов, понимая, что гражданские лица по-разному переносят нарушение закона, – Мы

же не вешаем на него того, что он не совершал. Тут просто ещё оформить всё правильно надо. А правильно – не всегда удобно, не всегда получается. Вот зачем нам всем вместе возвращаться потом в кабинет, печатать протокол, подписывать его, когда удобнее сделать наоборот? Тут страдает только инструкция, а суть не меняется.

– Да я тоже вот никогда не понимал этих людей, кто за инструкцию трясётся! Теоретики, блин. Есть цель – конечный результат. Любым способом надо это сделать. А они начинают... Вот эти люди: человеки-инструкции! Прикрываются формализмом, требуют от окружающих строго исполнения написанного кем-то в министерстве! Их якобы цель всегда такова: наведение порядка! Порядка! Только их порядок всегда выбивается из действительности, потому что вокруг хаос! Только видимость порядка, соблюдения законности, правил. Мир делится на людей, которые делают дело, стремятся к конечному результату. И на людей-инструкций, которые сами не сделали ничего стоящего, потому что раз за разом упираются в действительность, но на этом и останавливаются. Таким людям не важна сама цель, они упираются в процесс! Судя по всему, получив когда-то унижение от вышестоящего начальства, такого же, которое всю жизнь трясётся над выполнением инструкций, они вызубрили её вдоль и поперёк. И теперь всё поджидают своего часа её применения! Но не пригождается никак. Поэтому они занимают определенное местечко, желательно проверяющими, и тря-

сут ею перед каждым, кто смеет усомниться в святости написанных норм! Но, по большей части, требуя от других чёткого исполнения норм, они лишь прикрываются созданными распоряжениями, приказами, служебными записками ради подчинения кого-то себе же красивым и якобы чего-то стоящим! У них не хватает собственного авторитета, поэтому надо потрясти инструкцией, – выдал пылкую речь Юрий Видницкий.

– Скажи, Свет, – обратился Сергей к гражданской жене Юрия, – Кто из человек-инструкций всю его семью перерезал? – улыбаясь, показал головой на своего друга Габоронов.

– Да он правда ненавидит таких, больная тема, – улыбаясь сообщила Света, но явно поддерживающая такую же точку зрения.

– Конечно, ты прав. Но у нас таких либо нет, либо очень мало, и они на других каких-нибудь штабных должностях. В милиции вал преступлений, а людей не хватает. У нас в дознании ещё ничего, мне надо пять дел в месяц сдавать. А у следаков, говорят, двадцать, тридцать, сорок на каждого! Я просто не представляю, как они там работают! У нас прокуратура каждую запятую проверяет. Я серьёзно. В том месяце сдал дело в суд. Прокурорские увидели в обвинительном акте, что в конце предложения я точку не поставил. Точку! В фабуле преступления на первом листе, но, тем не менее, нет точки! Так я побежал исправлять. А там в трёх экземплярах,

подписано начальником Милиции общественной безопасности – МОБ. Исправил, перешил, печать переклеил. Конец дня, начальник этот куда-то уехал. Что мне остаётся делать? У него надо переподписать. А прокурорские ждут. Они же мне дали шанс исправить! Могли бы и вовсе дело завернуть. И тогда я вообще не представляю, как бы меня начальство растерзало! Поэтому прошу коллегу: отворачиваюсь, поворачиваюсь, а подписи уже стоят! Так и выкручиваемся. А если задуматься, если нормальный адвокат будет? Представь, как дело можно развалить! И такое каждый день. А если я буду ждать, искать начальника МОБ для подписи, то дело не сдам, в сроки не уложусь, вернут его на исследование! Ух, что будет! Из-за точки! – расчувствовался перед друзьями Габоронов.

– Я, честно говоря, всегда в шоке от твоих историй. Я милицию по-другому себе представлял, – по сочувствовал Юрий.

– Это всё фильмы, потому что! Кто их снимает? А главное зачем? Не, я понимаю, может, для создания романтики, чтобы парни подкинулись и пошли работать. Но ведь именно от этого и разочарования! Представь, насмотрелся фильмов про то, как хирург делает высокотехнологичные операции на дорогом оборудовании. Готовясь к ней месяц. При этом разъезжая на дорогом автомобиле без крыши. Имея красавицу жену. И показывая свой характер заведующему поликлиникой: «эту операцию нужно делать только после того, как

придут анализы из Швейцарии, а пока – пока»... Насмотрелся фильмов, отучился в МЕДе, пришёл... А там, в реальности, сидит хирург в районной поликлинике с обшарпанными стенами, бескрайней очередью, владеющий только скальпелем с йодиком. Вырезает аппендициты нескончаемым потоком, иногда не дожидаясь результатов анализов. Работая всё время на ногах, между прочим! Что хорошего, когда искусство задаёт искажённый вектор в профессиях? Кто знал, что расследование уголовного дела – это вот бумажечки да оформления? Сидишь с утра до вечера, только и думаешь, как бы успеть всё оформить. А в кино? Менты вечно: встали, поехали, в кафе пообедали, за угол зашли, убийцу притащили. А следак? – фу, это не он, пойду сам настоящего поищу! Кто за него дела делает в это время? А он следователь! Расследование – это не поиск преступника, а оформление преступления! А поиск – это оперативно-розыскные мероприятия. Этим опера занимаются. Но в фильмах следак ОРМ наводит, а дела кто за него печатает? Они вообще головы не поднимают, только и шлёпают по клавиатуре без выходных, горбяку сутулую наращивают от сидячего образа жизни... А в фильмах? Перестрелки! Пистолеты у всех! Да нам пистолеты только на суточное дежурство дают. И не дай бог нам в кого-то выстрелить! Просто не дай бог! Нам, когда только дают карточку-заместитель⁵, сразу вдалбливают: стрельнешь

⁵ Заламинированный документ, карточка – оформляемая сотруднику одновременно с закреплением табельного оружия. Обменивается на оружие в дежурной

– сами же тебя посадим!

– Как с Евсюковым⁶, да? В феврале же ему пожизненное дали? – друг привёл неудачный пример, но, судя по всему, хотел просто обсудить данный случай.

– Это другое, Юра... Вообще другое. Там, судя по новостям, у человека просто башня поехала. Стрелять в случайных людей! Судя по записи с камер, уверенный он какой-то был в себе. Не как набухавшийся до беспамятства человек, чтоб не соображал, что делал. Он точно умышленно всех расстреливал. А вот почему у него кукуха поехала? Вопрос! Просто из-за работы психика не выдержала? Не верю. Наш брат столько мути за службу видит и слышит, что к сочувствию, а значит, восприятию чужого горя иммунитет вырабатывается! Нас чтоб эмоционально подцепить, надо прям детские трупы увидеть. И чтоб убийца рядом стоял, улыбался. Тогда да. Можно по инерции попытаться гада задушить... А тут. У Евсюка же никто не умер в семье! Ну, с женой поругался, говорят. Не знаю. Да даже если так, но такое совершить... Наш брат может нажраться! Может за рулём пьяным случайно кого сбить – это да! Но чтоб расстреливать?.. Это более чем жесть... У него, наверное, изначально с головой не всё в порядке было. На медкомиссии не досмот-

части при его получении.

⁶ Денис Евсюков – бывший майор милиции, в состоянии алкогольного опьянения убивший и ранивший людей в московском супермаркете. 19.02.2010 признан судом виновным в совершении данного резонансного преступления, приговорён к пожизненному заключению.

рели, наверное. А тут вылилось. В голове не укладывается!

Заехав в переулок Скалистый, неподалёку от дома № 6, Юра припарковался. Десяткин уже ждал их на месте.

– Где стоял автомобиль Шавко? – обратился старший лейтенант милиции к подозреваемому по делу.

– Тут и стоял, как сейчас, – указал Десяткин на по-прежнему припаркованный на том же месте автомобиль Шавко.

– Так даже лучше! – Габоронов обрадовался, что в эксперименте будет участвовать не просто схожий по марке, модели автомобиль, а именно тот самый.

Как бы не хотелось проделать всё незаметно для окружающих, соседи в тихом переулке сразу повылазили из окон домов. «Да, свидетелей должно было быть хоть отбавляй» – подумал Сергей. Обратил внимание дознаватель и на яму, из-за которой весь сыр-бор. «И правда, для иномарки очень глубокая, днищем зацепишь», – пронеслось в голове старлея.

– Алексей Борисович, вставай, пожалуйста около машины. Покажи, как ты подошёл, когда Шавко выгружал мешки. Встань около багажника. Вот так. Понятые тоже в кадре должны быть. Отлично, – фотографировал дознаватель на свой цифровой фотоаппарат «Sony» указанные постановки.

Таким же образом Десяткин послушно позировал около водительской двери автомобиля Шавко. Далее изобразил сам удар по двери, приставив ногу – всё было сфотографировано.

С дома показался потерпевший, Василий Анатольевич

Шавко. Действительно, пожилого возраста человек, худощавого телосложения. Типичный дед.

– Здравствуйте! А Вы, наверное, Шавко? – по памяти не помнил имя-отчество дознаватель.

– Да, здравствуйте! Это я, – с интересом подтвердил свою личность Шавко.

– А я дознаватель по Вашему делу, Габоронов Сергей, – по-простому представился старший лейтенант.

– Был же другой дознаватель, там девушка была какая-то...

– Совершенно верно. Но в данный момент дело находится у меня. И хочу Вас обрадовать, лёд тронулся. Десяткин даёт признательные показания, направим дело в суд. Поэтому от Вас тоже оперативная помощь понадобится.

– Да Вы что? А я уже и не надеялся! Во как Вы это дело раскрутили! А то до Вас...

– Перестаньте. Просто Десяткин уже и сам устал от этого, вот измором и взяли, – Десяткин данного разговора не слышал, находился в стороне, с понятиями.

– Хорошо. Я бы тоже хотел, чтоб это закончилось...

– Отлично! Смотрите, не спугните только удачу. Сейчас Десяткин придёт к Вам примирятся. Он возместит Вам ущерб. Он хочет прекратить дело за примирением сторон.

– Как это? – начал переживать дедушка, что есть какой-то заговор.

– Не переживайте! Что бы дело направить в суд, нам нуж-

но его признание. Пусть так всё и идёт. Потом напишите заявления на прекращение дела, но это будет рассматривать прокуратура. Посмотрим, что она решит. В любом случае, Вам нужно радоваться, что он хочет возместить ущерб. И вот тут слушайте внимательно: с юридической точки зрения, когда совершено преступление и Вам причинён ущерб, преступник его возмещает либо добровольно, либо через гражданский иск в суде. А само уголовное дело – это разбирательство и наказание за само преступление! Понимаете. То есть уголовным делом мы его наказываем за то, что он совершил. Но вот возместит ли он Вам, даже если его признают виновным – это другой вопрос. А тут он согласен это сделать! Поэтому Вам очень повезло. Соглашайтесь принять от него сумму ущерба, его извинения, и всё тогда разрешится для всех лучшим образом. Вам – компенсация. Нам – дело в суд. Ему – судимость. Хорошо? Договорились?

– Да, я понял, мне главное, чтоб ущерб возместил!

– Вот, это главное. Будьте на связи, телефон не меняли? Я позвоню Вам, чтоб пришли, всё подписали.

Дознаватель с потерпевшим распрощались.

– Алексей Борисович, я с ним переговорил, – обратился уже дознаватель к Десяткину, – Дедушка, в принципе, согласен принять извинения и возмещение ущерба. Сейчас идите к нему и договаривайтесь. Только сделайте это искренне, дед всё-таки, жалко старика...

– Да, конечно, – Десяткин был уже как шёлковый.

– Мне потом отзвонитесь, как всё прошло, я скажу Вам, когда прийти, чтоб все вместе собрались у меня в кабинете, хорошо?

– Договорились. Спасибо.

На часах было двенадцать. Габоронов вместе с понятыми поехал назад к отделу, в надежде забрать свой автомобиль и добраться наконец-таки до дома с чистой совестью и чувством выполненного долга.

Впрочем, звук мелодии телефона дознавателя вновь напомнил, что он кому-то нужен.

– Да, Ольга Юрьевна, – ответил на звонок дознаватель, всё ещё следуя в комфортабельном «Фольксваген Туарег».

– Габоронов, ну как проверка показаний Десяткина, получается?

– Да, Ольга Юрьевна, пофоткались уже даже, всё нормально, – довольный подчинённый доложил о выполненной работе.

– Отлично! Уже обратно едешь?

– Да, я с понятыми, на их машине. Сейчас свою заберу и спать, – ещё раз напомнил о своём праве старший лейтенант милиции.

– Хорошо. Приедешь в отдел, зайди ко мне, пожалуйста, – попросила полковник Смирнова.

– Зачем ещё? – недовольно протянул старший лейтенант.

– Габоронов, надо! Дело срочное, но ненадолго. Давай, я тебя жду.

– Есть. Понял. Выполняю, – снова не радостно проговорил Габоронов.

По завершении разговора дознаватель выругался матом.

– Что там, Серёга? – поинтересовался Юра Видницкий.

– Как я люблю эту работу! – только и смог выдавить из себя что-то приличное Сергей.

– Я, честно говоря, вообще не понимаю, зачем ты работаешь в милиции?

– А куда идти?

– Надо искать, узнавать...

– Так некогда искать и узнавать, – засмеялся старший лейтенант.

– Какая у тебя зарплата? – прямо спросил Видницкий.

– Около шестнадцати, – невесело произнёс Сергей.

– Это ж мало для такой работы! – удивился друг, – Я вот, если штуку в день не заработаю, то мне как-то не по себе становится.

– Ну ты ж к себе не возьмешь? – снова заулыбался Сергей.

– А кем, Серёга? Мы со Светой всё успеваем делать...

Итак иногда работы вообще мало, – оправдывался Юрий.

– Вот именно. Уйти из милиции можно. Только куда? Смотрю всё время на гражданских и не понимаю, как можно быть на вольных хлебах? Страшно, если честно. Ощущение нестабильности. В милиции появляется прям уверенность, что на гражданке не проживёшь. Зарботки от случая к случаю. Это у всех ментов так, боязнь народного хозяйства.

Опять же все грезят ранней пенсией. Можно отработать двадцать лет в таком режиме и на пенсию. Я, например, если доживу, то в сорок три уже пойти смогу. Буду получать тыщ десять. Бог даст, в адвокаты пойду. Не даст – в охрану, как большинство моих братьев милицейских. Вот и вся любовь!

– И ты это всё понимаешь, но всё равно работаешь? – удивлялся Видницкий.

– Не трепи мне душу. Я бы рад уйти, да только куда? Да и потом, как бы пафосно это не звучало: а кто останется? Кто работать тут будет? Кто будет справедливости помогать? К ней надо руку прикладывать! Наверное, в какой-то момент, после погружения в систему, ты приходишь к самой сути, что преступник должен сидеть в тюрьме. В милиции бывает разное, и не всех привлекают к ответственности. Я тоже слышу по телевизору, как миллионами воруют – и ничего. Но это всё абстракция. Это всё где-то там. А я тут. Конкретно сегодня, лично от меня зависит, пойдёт ли Десяткин в суд или нет. И я выбираю доделать это дело до конца, понимаешь?

– Да, пока у нас работают такие маньяки как ты, можно спать спокойно, – улыбнулся Видницкий, – Ладно, где тебя посадить?

– Вот тут, – показал на место около центрального проезда в ОВД Габоронов, – Спасибо Вам большое, ребята. Рад был увидеться! Наберу протоколы допросов – звякну, там только подписать надо будет!

– Давай, держись там! Если что-то надо, ты же знаешь, я

всегда готов. До сих пор никак не забуду вашу..., – и Юра резко оборвался. Его супруга укоризненно посмотрела на него.

– Та договаривай, всё нормально! – Габоронов понял о чём он, но внешне показал, что между ними нет запретных тем.

– Свадьбу вашу никак не забуду. Это был какой-то феномен. Обстановка такая душевная, своя была. Как одна большая дружная семья, состояние счастья у всех прям было.

– Да, ты же свадьбу организовывал! Хорошо, что к тебе тогда обратились, – заулыбался Сергей. С того времени они и дружили.

– Не, не, Серёж, люди вокруг были настолько душевные. Наверное, просто никого лишнего не было.

– Да, мы с Габороновой решили сразу: зовём тех, кого хотим, а не кого надо. Может поэтому получилось...

– Серёжка, звони если что, приходи в гости, – попрощалась такими словами Светлана.

– Да, хорошо, обязательно. Спасибо Вам ещё раз!

Экран кнопочного телефона показывал двенадцать часов двадцать пять минут. Габоронов поднялся на второй этаж отдела дознания, пройдя прямиком в кабинет начальника.

– Габоронов, материал принесли. Сто двенадцатая. Перелом челюсти. В несознанке. Тяжёлое будет дело. Надо быстрее возбуждаться. Завтра выходные, а срок принятия решения уже сегодня. Так что нам не до мелочей. Это дело тебе

на следующий месяц пойдёт.

– Почему мне, Ольга Юрьевна? – возмутился старший лейтенант, который от усталости уже перестал побаиваться начальства.

– Габоронов, только ты с этим делом справишься! Только ты этого Духовского дожмёшь! Кому мне ещё отдавать? Этим пенсионеркам? Им уже тыщу лет ничего не надо!

– Вот, от того, что им не надо, становится надо мне? Ольга Юрьевна, ей богу, это ментовский беспредел! – Габоронов выделялся для вида, поскольку лестные слова о том, что только ему под силу это дело, сработали.

– Давай, Габоронов, возбуждаешься, сдаёшь в прокуратуру и идёшь домой спать! Характеристику на Апрешумяна принесли тебе? – поинтересовалась по ходу о делах текущих полковник милиции.

– Участковый звонил, сказал, что она готова. Обещал занести, может у меня на столе лежит.

– Хорошо, давай. Только возбуждаем по факту, лицо не указываем. Там ночной клуб, все пьяные, все по-разному говорят. Очные ставки потом будем проводить.

Взяв материал, Габоронов зашёл в кабинет. Кинув его на стол вместе с протоколом проверки показаний на месте Десяткина, дознаватель пошёл покурить на балкон. Рабочий день после суточного дежурства продолжался...

Глава 5. Как я люблю эту работу!

На балконе, прилегавшем к служебному милицейскому кабинету, к дознавателю Габоронову присоединилась его коллега лейтенант Третьякова.

– Чего ты вернулся? Я думала после выводки домой поедешь, – подкуривая сигарету, произнесла коллега.

– И я так думал, Аня. Да вот сегодня срок по сто двенадцатой. Ольга Юрьевна попросила возбудится, – устало произнёс дознаватель.

– Ну, возбудишься по-быстрому, делов-то, и пойдёшь себе спать! – всегда казалось, что для этой девушки любая проблема нестрашна!

– Да у меня с утра как началось: сначала на дырку в паспортном погнали, потом Десяткин со своей сознаночкой...

– Дожал ты его всё-таки? Красавчик! Я видела, он пришёл такой бесстрашный, а уходил уже свой, с руки можно было кормить, – смеялась Анна Третьякова.

– Да он сам как-то, созрел просто, – отказывался от своей заслуги Сергей.

– Да, конечно! Вы с ним как начали собачится, он и понял, что ты в эти игры вежливости и каменных лиц играть не будешь. Ты его растормошил, что ли...

– Спасибо, конечно, Анна Андреевна, за поддержку! Я тебе это припомню, когда ты начальником нашим станешь, –

Габоронов знал, что её самолюбию это понравится.

– Ой, Габоронов, не смущай меня! – заулыбалась Третьякова, понимая, что коллега в наглую льстит. Но ей это нравилось.

– Во, во, ты как начальник, всех по фамилиям называешь! Скоро подсидишь Ольгу Юрьевну. Пойду предупрежу её, что конкурент сидит в соседнем кабинете, – смеясь оставил Габоронов довольного лейтенанта Третьякову на балконе.

Дознаватель сел за стол. На компьютере нашёл папку с цифрами «112», скопировал в ней файл под названием «возбуждение» и вставил во вновь созданную папку, назвав её: «УД ст.112 Духовский В.Е. 20.08.2010». Принялся редактировать документ, заглядывая в переданный ему материал. Так возбуждалось уголовное дело...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству

г. Кирпиченск «20» августа 2010 г.

Я, дознаватель ОД ОВД по Кирпиченскому району старший лейтенант милиции Габоронов С.В.

рассмотрев сообщение о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 112 УК РФ

поступившее: 22.07.2010 г. в дежурную часть ОВД по

Кирпиченскому району от Морохина И.А. и материалы проверки, зарегистрированные в КУСП № 13642 от 22.07.2010 г.

УСТАНОВИЛ:

22.07.2010 г. в дежурную часть ОВД по Кирпиченскому району поступило заявление от Морохина И.А., в котором он просит привлечь к уголовной ответственности неизвестное ему лицо, которое 22.07.2010 г., причинило ему телесные повреждения около ночного клуба «Колизей», расположенного по адресу: г. Кирпиченск, ул. Обходная, д.2

В ходе проведенной по данному факту первичной проверки было установлено:

22.07.2010 г. около 01 часа 15 минут, напротив ночного клуба «Колизей», расположенного по адресу: г. Кирпиченск, ул. Обходная, д.2, были причинены телесные повреждения Морохину И.А.

Согласно акта СМО № 730 от 22.07.2010 г., гр. Морохину И.А. причинён вред здоровью средней тяжести по признаку длительности расстройства здоровья более 21 дня в виде описываемых в медицинской документации переломов нижней челюсти слева, 3-го ребра справа и 8-го ребра слева, сотрясения головного мозга, множественных гематом лица, правой ушной раковины, которые образовались при ударах твёрдыми тупыми предметами в срок, указанный в медицинской документации.

Принимая во внимание, что имеются достаточные дан-

ные, указывающие на признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ,

руководствуясь ст. 140, 145, 146 (147) и частью первой ст. 156 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Возбудить уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ

2. Уголовное дело принять к своему производству и приступить к расследованию.

3. Копию настоящего постановления направить Кирпиченскому межрайонному прокурору советнику юстиции Горину А.В.

Дознаватель _____

Копия настоящего постановления направлена Кирпиченскому межрайонному прокурору советнику юстиции Горину А.В. «20» августа 2010 г. в 13 часов 20 минут.

О принятом решении сообщено «20» августа 2010 г. Морохину И.А.

Дознаватель _____

Габоронов распечатал данное постановление и подписал. Оставалось набрать сопроводительное письмо в прокуратуру. Дознаватель поменял данные в предыдущем тексте на новые: «Сообщаем Вам о возбуждении уголовного дела по материалам проверки, зарегистрированным в КУСП № 13642 от 22.07.2010 года, так как в данном материале усматрива-

ются признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ». Подписывается данный документ начальником МОБ ОВД по Кирпиченскому району, полковником милиции Костенко А.С.

– А Костенко на месте, кто-нибудь знает? – спросил дознаватель Габоронов у своих коллег, находящихся в кабинете.

– Был полчаса назад, – молниеносно отреагировала лейтенант Третьякова, – Но уже обед, мог и уйти.

– Блин, – Габоронов подорвался с места.

Собрал в охапку материал, постановление о возбуждении и помчался к начальнику МОБ, кабинет которого располагался также на втором этаже. Вернулся через минуту обратно.

– Закрыто уже? – сочувствующе подметила Третьякова.

– Да блин. Ладно, и в канцелярии всё равно обед.

Габоронов распечатал также сопроводительное письмо заявителю. Благо, такой документ дознаватель может отправить от своего имени. Заполнил статистические карточки. Одна на двух листах мелким шрифтом. В ней содержаться сведения о регистрационных данных при первоначальной проверке: каким подразделением выявлено, каким возбуждено, краткая фабула, статья и прочее. Вторая содержит сведения о потерпевшем. Вот откуда берётся вся статистика! Все слёзы, боль, переломы, ущербы, душевные переживания, упорства, наглость – всё это остаётся дознавателю. А

сухие факты отправляются в информационный центр. Далее эти сведения берут областные руководители и докладывают о криминальной обстановке региона в Москву. Там всё обобщается и предьявляется на обозрение населению нашего государства: смотрите, таких преступлений больше стало, таких меньше. Вот ради чего вообще всё! Каждый конкретный случай превращается в карточку, по которой оценивают работу милиции в целом. А доволен ли остался потерпевший? Осознал ли преступник совершённое? Это не учитывается. Помогла ли родная милиция конкретному человеку? Если возбудили уголовное дело, статистика об этом узнает. Если нет, то и не было ничего!

В тринадцать часов сорок пять минут Габоронов справился с возбуждением. Осталось всего лишь подписать у начальства, получить номер уголовного дела в статистическом отделе, пробиться в канцелярию и получить исходящий номер. И добежать до прокуратуры, добыть от них штампик с датой о принятии ими уголовного дела...

Если опустить подробности простоя в очередях к начальству, ожидания возвышенных от собственной офигительности канцелярских дам, опустить попутные встречи с коллегами и обсуждения выполняемых ими поручений по уголовным делам, то в пятнадцать часов пятьдесят минут Габоронов вышел из здания прокуратуры. Только тогда он ощутил чувство голода – за весь день он так ничего и не поел. Позвонил полковнику Смирновой и словами Б.Н. Ельцина «Я

ухожу. Я сделал всё, что мог», завершил дела милицейские после суточного дежурства. «Иди, Габоронов, иди. Завтра не опаздывай», – послышалось в ответ дознавателю.

Дойдя до своего отдела из прокуратуры, Габоронов сел в свой старенький «ВАЗ-2107». Завёл двигатель и закурил. Мелодия телефона уже не раздражала. Сил на это не было.

– Да, слушаю, – ответил старший лейтенант.

– Сергей Владимирович, – запомнил-таки отчество Десяткин, – Я договорился с потерпевшим, всё нормально, мы примирились. Что делать дальше?

– А завтра приходите все вместе к десяти часам в мой кабинет. Адвоката тоже позовите, прям сейчас ему наберите, чтоб он планы на субботнее утро не строил. Скажите ему, что завтра всё разом сделаем. Потерпевшему тоже передайте, чтоб приходил, – Габоронов перешёл на «Вы» с подозреваемым, поскольку дело уже было сделано, он в сознание, можно снова между ними проводить черту, – Да, и супругу захватите, её тоже допросим какой Вы молодец.

Старший лейтенант милиции заглушил свой автомобиль. Ещё раз витиевато выругался матом. Снял китель, расстегнул галстук, швырнул его на заднее сидение. Снял рубашку, оставшись в белой майке, перекинул пагоны с кителя, одел её, заправился. Закрыв свой автомобиль и отправился в кабинет готовиться к завтрашнему утру. Поскольку будет очень напряжённо, если все участвующие лица соберутся вместе и будут ждать дознавателя, пока он напечатает их

показания.

Двух майоров в кабинете не было. Лейтенант Третьякова допрашивала кого-то. Габоронов прочитал характеристику на Апрешумяна, которую оставил участковый. Замечательный человек получился: характеризуется положительно, принимает участие в жизни дома, отзывчив, вежлив... Ему всего двадцать один год, а он осужден военным судом к условному отбыванию наказания за то, что с сослуживцами избил парня. Ещё в школе его привлекали к ответственности за заведомо ложное сообщение о терроризме! И сейчас, не оплатив проезд в маршрутке, долбанул камнем по стеклу микроавтобуса. «Отзывчив, вежлив! И в субботниках участвует?! Когда уже у нас действительность будет совпадать с написанным? Этому гаду в характеристике надо так и писать: упырь конченный, неуравновешенный дебилоид. Вот придумали же писанину! А что? Здорово! Пишешь на бумажечке всё хорошее, как тебе думается, как хотелось бы. И живёшь иллюзией, что так и есть. Прав был Юрка: выдумывают инструкции! Напишут себе, как должно быть в идеале, а ты нарушай, потому что в жизни так не получается сделать! И теперь они с себя сбросили ответственность: „Мы вам как сказали жить? Вот так! А вы что творите? Не исполняете? Вот и виноваты сами в ситуации! А ещё лучше – в том, что живёте в дерьме, вы тоже сами виноваты, не соблюдаете правил! Так и до революционных мыслей не далеко. Сошлют на каторгу, и всё останется, как прежде. Что мне теперь? Участ-

ковому позвонить? Сказать, чтоб другую характеристику на Апрешумяна принёс? Ага, заволокитить дело, вовремя не сдать – это ещё неделю жди. А может, там вообще старший дома такой же упырь сидит, заартачится ещё: „Вы что, Миша очень славный парень...“ А попробую! Лучше попробовать и пожалеть...“» – варилась мысленная каша уставшего дознавателя.

– Алло, Игорь Васильевич, привет! – набрал участкового дознаватель.

– Привет, Серёга, – бодро ответил майор милиции Хартиков.

– Помнишь Апрешумяна? Ты его характеристику читал?

– Читал! Какую дали, такую и принёс, – понимал о несоответствии действительного Апрешумяна с описанным на бумаге.

– Поменять нельзя? Ну он же гад конченный, – возмутился дознаватель Габоронов.

– Серёга, я тебе именно поэтому её сразу и не принёс, потому что изначально такую дали! Я хотел, чтобы написали как есть, но старший по дому – друг его отца, во-первых. Он его типа таким видит, во-вторых. Как ты на него надавишь? Да и начнёшь – пожалуется. Оно мне надо из-за какого-то гада неприятности себе наживать?

– Это просто безобразие, товарищи!

– Вот и я так же думаю. Ладно, Серёга, давай, до связи! Ты же знаешь, если б я смог, я б сделал, – распрощался участ-

ковый уполномоченный.

«Я сделал всё, что мог» – отбросил данный вопрос старший лейтенант.

Начал готовить на завтра протокол очной ставки между потерпевшим Шавко Василием Анатольевичем и подозреваемым Десяткиным Алексеем Борисовичем.

– О! А чего ты домой не пошёл? – удивлённо поинтересовалась полковник Смирнова, зашедшая в кабинет Габоронова.

– А я люблю эту работу! – с сарказмом заявил Габоронов.

Начальник отдела дознания на такую реплику никак не отреагировала. В лице совершенно не поменялась, а продолжила ожидать нормальный ответ на поставленный вопрос.

– Да Десяткин с Шавко завтра к десяти должны прийти, очную ставку буду проводить, хочу показания подготовить, – нормально доложил старший лейтенант со второго раза.

– Только смотри, чтоб очная ставка по датам раньше прошла, чем он признался в дополнительном допросе, понял? – молниеносно сообразила полковник Смирнова.

– В смысле? – А Габоронов не сразу понял о чём речь.

– Сначала ты проводишь очную ставку, поскольку он не признавал свою вину. Из-за разногласий в показаниях ты её и проводишь, понимаешь? На ней он признаётся и только потом ты его дополнительно допрашиваешь, понятно? – закончила урок логики начальник дознания.

– А-а-а, – протянул озарившийся простой мыслью Габоро-

ронов, – Теперь очную ставку задним числом проводить надо? А то я в сегодняшнем протоколе допроса даты уже поставил! – озвучил свою будущую процессуальную подтасовку дознаватель.

– Естественно! Сначала очная, потом его признания, потом проверка показаний на месте, – снисходительно отнеслась Смирнова к заторможенности Габоронова. Человек с ночи всё-таки, что с такого требовать?

– А утром Вы вроде говорили: допрашиваем, выводка, очная ставка? Такой порядок, – уточнял подчинённый, чтоб понимать на каком этапе он снова свернул к нарушению.

– Конечно, пока утром он тёплый был надо было фиксировать его признания. А завтра поставишь девятнадцатое число на очной ставке.

– Плохо быть по пояс деревянным, Ольга Юрьевна, – признавал свою несообразительность Габоронов, – И, кстати, его адвокат сегодня не пришёл, обещал при встрече выписать ордер и всё разом подписать.

– Вот и прекрасненько! Апрешумяна тоже заканчивай. Характеристику, вижу, принесли? – не обращала внимания Смирнова на раскаяние и доклад о совершённых нарушениях своего дознавателя.

– Да, принесли, только положительную... – посетовал старший лейтенант.

– Нам не до мелочей, Габоронов! Какая уж есть! Вкладывай её в дело, заканчивай его и в суд! – распорядилась на-

чальник дознания.

– А адвокат? Адвокат Десяткина! Он же ордер «выдал» сегодняшним числом! А очная ставка вчерашним должна быть! Получается с Хлориным её надо проводить?

– Конечно! – подтвердила Смирнова, – В протокол очной ставки вписываешь его старого адвоката, он потом распишется.

Во многом профессионализм отдела держался на ней. Смирнова всегда помнила фамилии потерпевших и жуликов. Обстоятельства и сроки каждого дела, находящегося в дознании. Чётко понимала причины задержек тех или иных процессуальных действий. Если дознаватель сбавлял обороты, она вовремя это замечала. Если другие службы не выполняли должное оперативное сопровождение дел – она своевременно реагировала. Самое главное – полковник Смирнова никогда не отчитывала своих подчинённых, не читала им морали, не тратила время на пустые разговоры. Если возникала сложность, и дознаватель ей об этом докладывал, то она мгновенно выдавала решение этой проблемы. Многие же начальники сначала удивляются, вздыхают, злятся, начинают задавать риторические вопросы: «Как же это произошло? Как подчинённый довёл до такой ситуации?». Затем они разносят работника, высказывая всё, что накопилось за определённое время. А уж только затем подходили к вопросу об исправлении сложившейся ситуации. И то, как правило, решение требовали от виновника.

Ольга Юрьевна же опускала данные нравоучения, ковыряния в причинах. За долгие годы службы она отчётливо уяснила: «Если работник нормальный – он и так понимает, что совершил оплошность и сделает всё, чтобы впредь такой ошибки не допустить. Если же человек не большого ума, либо он попросту не хочет работать, то она не собиралась тратить на него свои нервы, переживания, различные эмоции. Такой рано или поздно сам уйдёт, увидев, что не справляется с таким объёмом работы. Либо соберётся, почувствовав уверенность в своих силах, благодаря отсутствию нравственного унижения со стороны руководства и раскроет-таки свой потенциал». Время на мелочи никогда не тратила.

– Хорошо, Ольга Юрьевна, ещё один мухлёж мне не помешает. – произнёс Габоронов.

Но Смирнова снова не оценила «потешные» ответы старшего лейтенанта. На процессуальные нарушения она вообще не обращала внимания, потому что в силу опыта знала: если следовать букве закона – ни одно уголовное дело в суд не направить! Ольга Юрьевна быстро переключилась на дознавателя Третьякову, сообщив ей что-то, ради чего и зашла в их кабинет.

Габоронов взглянул на часы в телефоне: «16:15». Голод усиливался. Дознаватель прекрасно понимал, что никакой документ уже составить не сможет, пока не поест. Был соблазн всё оставить на завтра, но он осознавал, что это уловка разума, на которую нельзя больше попадаться. Иначе снова

придётся торопиться при людях, чтобы надолго всех не задерживать, а значит, потенциально допускать ошибки, опечатки, которые потом дорого исправляются.

Габоронов отправился в магазин «Копейка». Лучезарная улыбка Ирины снова приободрила Сергея. Краткий разговор по делу и старлей вновь расстался с ней, не сделав, как говорится, первый шаг. Ирина же, как девушка порядочная, так же не могла заигрывать с милиционером – воспитание не позволяло. Купив булочку с ряженкой, он отправился в свой кабинет с мыслью о том, что: «В жизни бывают и светлые моменты...» Ирина же на самом деле думала: «Парень не плохой, но раз не проявляет внимания, значит ему это не надо».

Перекусив за своим рабочим столом, перекулив на балконе, Габоронов решительно стал строчить на клавиатуре завтрашнюю встречу в подробностях. Изложил показания Шавко, вставил показания Десяткина. Также нужно было озвучить вопрос о телесных повреждениях, что Шавко их не получал. Если в показаниях содержатся сведения о других преступлениях, то их надо выделять в отдельное производство и также принимать по ним решение: возбуждать уголовное дело или отказывать. В показаниях были события о некотором рукоприкладстве: «Десяткин А.Б. схватил за мою куртку двумя руками». Что бы не заниматься выделением данного случая, в показаниях обоих нужно было подтвердить, что никакого вреда здоровью действия Десяткина категори-

чески не причинили и потерпевший претензий по данному факту не имеет.

Затем Габоронов начал готовить протокол допроса супруги подозреваемого – Десяткиной Олеси Александровны. Жена, муж, показания – всегда щепетильный вопрос. Даже в минуты злости пишущие друг на друга супруги заявления спустя время мирятся и приходят умолять, а то и требовать от участкового возможности забрать заявление назад.

А тут совсем другое дело. Преступление было в отношении постороннего человека. Но глубоко-глубоко у старшего лейтенанта теплилась надежда, что Олеся Десяткина видела, как муж ударил ногой машину соседа. И по глупости, а может, и по зову сердца, так и скажет на допросе. И тогда будет ещё прекраснее: она станет не косвенным свидетелем, а прямым!

– Вот почему у нас так? – вслух произнёс уставший Габоронов, решив эксцентрично, с возмущением высказаться в присутствии лейтенанта Третьяковой. Иногда они философствовали на разные темы, – Если жена укажет, что видела, как муж совершает преступление, то она автоматически становится плохой в глазах всех! «На мужа дала показания!? Во дура! Вот это предательница!» – даст свою оценку общество. И даже мы, милиционеры, придя домой вечером, пересказывая основные события дня, назовём такую *конченной*. «Своих надо выгораживать, несмотря ни на что!» – говорит народная *мудрость*. Если это *свой* преступник, то мы

его понимаем. Осуждаем, где-то ругаем, но не сдаём. Потом упрекают правоохранительную систему, нас, но только не тех своих, совершивших преступление. С каких пор общество стало относиться к преступникам и преступлениям снисходительно? Ведь если это преступник, то не важно, свой он или чужой – должно быть наказание! Чего же тогда простой народ осуждает блатных, которые в силу своей власти, денег и возможностей, уводят от ответственности таких же? Ведь простой народ сам чуть что: «Не видел! Не знаю!» Получается все выгораживают преступников!

– Чего, Серёж, заработался? – понимающе улыбнулась пылкой речи коллеги лейтенант Третьякова и поддержала тему, – Похоже такое отношение к преступлениям заложено в нас давно и укрепилось на законодательном уровне! Это же прямо прописано в нашей Конституции! Статья 51: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом». Вот так! Сделал чего плохого – не признавайся! Сделал близкий – молчи! В структуре своей не идёт посыл: «А совершать преступления – это плохо. Расскажи, что тебя к этому привело? Почему ты так сделал? Покайся!» Нет. Позволено: «Молчи. Докажем – будет тебе наказание. Нет – отпустим!» Такое вот тебе право. Если свой, то тебя при совершении преступления защитят молчанием. Не осудят и в людском понимании, а поддержат. К сожалению, к преступлениям мы относимся нормально, если их со-

вершил любой свой.

– Это точно! – согласился со словами коллеги старший лейтенант, – Наши предки, строившие общество, объединявшиеся в группы, путём проб и ошибок вытачивали правила поведения, называемые законами. Я говорю о главных догмах: не убивать, не причинять физические увечья, морально не угнетать, не доводить до самоубийства, не воровать. Когда выяснилось, что сознательность или согласие с установленными нормами поведения есть не у всех – выбрали тех, кто будет следить за соблюдением правил и принуждать к порядку. Такие, как мы, например. Мир разделился на законопослушных и нарушителей с момента своего основания. Власть, опираясь на общество, диктует, что можно делать, а что категорически запрещено. Но потом придумали письменность! И на бумаге создали внешнюю оболочку. Показуху. Фарс. Все эти законы придумывают не для того, чтобы победить преступления, разлагающие личность и преступающие оговоренную черту. Не потому, что определённые поступки сами по себе ужасны по своей природе, а лишь для того, чтобы, написав их на бумаге, создать формальный мир, в котором царит закон и порядок. Описали идеал, не соответствующий фактической жизни: «Всем относиться к преступлениям, как к чему-то плохому! Понятно?». А потом ещё и добавили: «Ну, если это *свой*: муж, жена, брат, друг, коллега, родственник, деятель... не важно, что они совершили, их надо прикрыть законодательно». А потом ещё

придумали с тысячу законов, запутали всё и вывели потаённые дорожки с правам преступников. На всякий случай. Для своих. Чтоб легче было его освободить от ответственности. С каких пор мы такие?

– С тех самых, Габоронов, когда придумали юриспруденцию! – коллеги пытались выразаться высокопарным языком, – До этого чистая религия прибывала в нашем мире. Придумали ли её, спустили ли на Землю – не важно. Только благодаря ей появились какие-то нравственные моменты в жизни человека. Потому что внушили мысль, что даже если ты думаешь плохо, бог об этом будет знать! И всё! Не затаишь дурного в голове. А значит, надо очищаться, исправляться, меняться. Воспитывая в себе светлые мысли, чувства. Не просто скрывая дурные мысли, а менять их на хорошие. Но, сдаётся мне, человек настолько ужасен, что безуспешно пробует меняться из поколения в поколения, передавая свой опыт своим детям, живя в них, передавая этот эстафетный факел друг другу, умирая, рождаясь. Но до сегодняшнего дня, так и не став идеальным, добрым, чистым и светлым...

– Вот-вот. Мне всегда было интересно: Человек – он изначально такой плохой? Но всю жизнь пытается измениться к лучшему? Или рождается он прекрасным, а потом портится до неузнаваемости?

– А что у тебя там? – поинтересовалась Третьякова каким именно уголовным делом занимается коллега.

– Жена Десяткина! Пишу её показания. Знаю, что завтра скажет: мой муж прекрасный человек. А спроси, видела ли как он ногой шархнул: Не-не, Вы, что? Я смотрела куда угодно, только не туда в нужный момент!

– Прости ты их, грешных. Это ж люди! От них другого не жди, – заключила лейтенант Третьякова.

– И то верно. Чего это я дурацкие вопросы задаю?! – успокоился дознаватель, выговорившись.

Через некоторое время, закончив работу, выключив компьютер, Габоронов распрощался с коллегой.

Около семнадцати часов десяти минут всё того же двадцатого августа две тысячи десятого года Габоронов вновь предпринял попытку уехать домой после суточной смены. Завёл двигатель, закурил. Однако телефон снова зазвонил. Абонент «Зефирка». Поскольку Габоронов находился на улице, то на звонок нужно было ответить. В маленьком городе бывает так, что тебя сначала видят, а потом звонят. Так и получилось.

– Алло, Серёга, привет! Как жизнь? – голос Чёрного был неуместно придурашным.

– Привет, Денис! Какая она может быть, если эта жизнь до сих пор на работе? – сходу дал понять Габоронов, что настроения у него нет.

– А я и вижу! Я тут проезжаю мимо ОВД, смотрю ты сидишь в машине, куришь, никого не трогаешь. А утром сказал, что с ночи и домой поедешь? – пытался подловить на

лжи своего одноклассника Чёрный.

– Точь-в-точь ты озвучил мои утренние планы, но, как видишь, я люблю эту работу!

– Понятно. Я уже развернулся, сейчас подъеду, переговорить надо...

– Может завтра? – надеялся Габоронов избежать разговора с неприятной личностью.

– Нет уж, Серёга, подожди меня, – Чёрный прекрасно понимал, кто он, а кто такой для него «колхозник» Габоронов. Одной уступки в день для него достаточно.

Габоронов видел устройство жизни в том, что если кто-то обладает определённой властью и деньгами, то как бы Габоронов не изображал из себя гордого, будучи простым и бедным – его нагнут! Это закон. Условия всегда диктуют те, у кого в руках рычаги давления. Габоронов не питал иллюзий по поводу своего места среди людской иерархии в этом городе. Пойдёшь против власть имущих – сожрут. В семье он был единственным ребёнком. И когда в детстве были различного рода эксцессы у ровесников, имеющих старших братьев и сестёр, он много раз видел, как они заступались за младших. За него же никто и никогда. Когда тебя поддерживают в детстве, любят, верят в тебя, то это придаёт уверенности в себе. Если кто-то заступился за тебя, значит, у тебя кто-то есть, и он дорожит тобой. А если нет...

Люди – существа социальные. Как бы кому не мечталось быть сильными и независимыми, всегда есть те, от которых

зависишь. На каждого начальника, есть руководитель на ступень по выше. Даже президент, наверное, и тот принимает решения с учётом его окружения, памятуя о политической обстановке в мире.

Чтобы выжить в социуме, нужно занять в нём своё место. А ещё лучше – объединятся в группы и помогать друг другу.

Если чужому надо попасть в какую-то группу, то он должен стать своим. Делать то, чем уже занимается эта обобщённая группировка.

Если зайти в такое общество, как известно, со своим самоварчиком, то такие действия явно вызовут неодобрение у правящей этой группой верхушки. Они старались, создавали, а тут пришёл гордый и не покорный.

Кому нужны непокорные одиночки?

Начнём с непослушных детей. Родители прям в восторге от того, что их чадо прёт против их воли? «Во какая личность! Уважаю!», – так говорят?

Или не исполняющий указаний начальства работник? «Вот это орёл! Против меня, начальника идёт! Всего добьётся!» – так?

Нет, неугодных, неудобных, непослушных так или иначе ломают, убирают, отлучают. Потом сидят они одни, в гордом одиночестве, выпавшие из общества, которое их, видите ли, «не поняло» и ненавидят весь мир.

В фильмах много раз показывали иное. Как герой идёт против всех и рушит проклятую систему! А в жизни? Габо-

ронову же такие примеры, с замечательным концом пока не встречались.

Надо знать и понимать, кто вокруг принимает решения. Кто действительно управляет происходящими глобальными процессами. Хотя бы в городе. В своём городе. И, Габоронов, отработав почти четыре года в милиции, прекрасно понимал, кто «рулит» этим местом.

Верхушка администрации, ФСБ, прокуратуры, суда, милиции, организованной преступности. Все они вместе и каждый по отдельности. Плюс ещё внутри этих органов своя иерархия. Естественный отбор – для выживания каждый старается примкнуть к указанным структурам по возможностям и способностям.

А простые люди всегда в стороне.

Денис Чёрный, как уже было упомянуто выше, имел хоть какой-то доступ к тем, кто решает. Пусть условно, через пару рукопожатий. Но при желании, благодаря матери и отцу, он доберётся до тех людей, которые могут управлять чьими-то судьбами.

А о существовании Габоронова такие люди попросту даже не знали. Не говоря уже о «рукопожатии» с ним.

Поэтому Сергей по-человечески не хотел общаться с одноклассником Денисом, а здравый смысл подсказывал ему, что ругаться с таким совершенно нельзя.

«Что же ему от меня надо?», – начал размышлять Габоронов, – «В поручители для кредита хочет попросить, что ли?»

Больше с меня взять нечего. Всё остальное у него у самого есть: непыльная должность, машина, квартира, связи...».

Габоронов сидел в машине и ждал, пока Чёрный подъедет. Люди могут на лету рвать только слабых, никем не защищённых. А вес имеющих, простите, можем только тихо ненавидеть.

– Как ты? Как сам? – дежурно произнёс Зефирка, присев в автомобиль Габоронова.

– Привет Денис, – Габоронов пожал протянутую пухлую руку Зефирки и равнодушно произнёс, – Всё нормально, видишь, с работы никак уйти не могу.

– А я мимо проезжаю, смотрю, твоя машина до сих пор на стоянке. Пригляделся, да и ты сам тут, – повторился Зефирка для связки слов и начал доверительно произносить, – Слушай, братка, дело есть, Я чего тебе звонил? Ко мне одни близкие обратились, попросили помочь. Сказали материал вам передадут, в дознание.

– Ага, и? – подтвердил дознаватель, что слышит одногруппника.

– Как бы узнать кому отпишут материал? Нужно будет с ним поболтать, – озвучил свою просьбу Чёрный.

– Материалы начальница распределяет, это только у неё надо спрашивать, – пытался перенаправить одногруппника Сергей.

– Фамилия терпилы Морохин, там телесные, – назвал знакомую Габоронову фамилию Чёрный.

– Тебя терпила попросил злодея наказать сильнее? – цеплялся в последний раз Габоронов за то, чтобы просьба Зефирки не содержала нарушения закона.

– Ха! – посмеялся в голос Чёрный, – Нет, братка, там в материале может быть такой Духовский, он меня попросил помочь...

«Вот и приплыли», – подумал Габоронов, – «Духовский. Я ж только что это дело поспешно возбуждал, с телесными. Сложное будет дело, говорила Смирнова. Начинается...»

– Духовский? Слушай, что-то припоминаю! Может даже я его и возбудил уже, – говорил не уверенно Габоронов, прячась за рутинностью и пустяковостью данного события.

– О! Да ты чё? У тебя? А можешь посмотреть? – сразу заинтересовался Чёрный.

– Да у меня, у меня. Я вспомнил. Сегодня срок по возбуждению подходил. Мне материал отписали, я и возбудил. Только что отнёс в прокуратуру, – изложил ситуацию Сергей.

– Только что? – удивился Чёрный, – Блин, Серёга, я же тебе с утра звонил, ты сказал, что домой уедешь! Может, встретились бы до возбуждения...

– Так всё и было. Потом завертелось, никак не мог уйти. В итоге материал притащили, начальница попросила остаться, – оправдывался Сергей, – Но там по любому бы возбудили. Встретились бы мы с тобой или нет.

– Всё равно жалко. Ладно. Надо помочь человечку, он

отблагодарит! Надо как-нибудь замять это дело. Что можно сделать? Сколько надо? – начал говорить шёпотом одноклассник.

– Ты чего, Денис, как тут замнёшь? Нас прокуратура контролирует! Если материал к нам попадает, то от нас только в суд! – начал на ходу придумывать аргументы Габоронов, лишь бы отвертеться от такой просьбы.

– Да ладно тебе Серёга, всегда можно что-то придумать! – слова Габоронова о невозможности решить данный вопрос были просто не восприняты Чёрным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.